

КОННЫЙ БОЙ

10-й КАВАЛЕРІЙСКОЙ ДИВИЗІИ ГЕНЕРАЛА ГРАФА КЕЛЛЕРА 8/21 АВГУСТА 1914 ГОДА У Д. ЯРОСЛАВИЦЕ

АЛЕКСАНДРЪ СЛИВИНСКІИ

Генеральнаго Штаба Полковникъ.

СЕРБІЯ

1921 годъ.

Конный бой

10-й кавалерійской дивизіи генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 года у д. Ярославице

АЛЕКСАНДРЪ СЛИВИНСКІЙ
Генеральнаго Штаба Полковникъ.

СЕРБІЯ
1921 годъ

Вмѣсто предисловія.

Глубокая признательность и свѣтлая память о незабвенномъ моемъ боевомъ учителѣ Генералъ отъ кавалеріи Графѣ Федорѣ Артуровичѣ Келлерѣ и о славныхъ полкахъ 10-й кавалерійской дивизіи (Новгородскіе драгуны, Одесскіе уланы, Ингерманландскіе гусары, Оренбургскіе казаки и Донскія батареи), съ которыми я провелъ почти три года Великой войны и съ которыми дѣлилъ лишенія, опасности и славу, заставили меня написать свои воспоминанія объ одномъ изъ блестящихъ дней ихъ боевой жизни.

Пусть современники и потомки вѣдаютъ объ ихъ подвигахъ недавняго прошлаго.

Сербія, 1921 г. АВТОРЪ.

КОННЫЙ БОЙ

10-й кавалерійской дивизіи 8/21 авг. 1914 года у д. Ярославице.

I. ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА.

(СХЕМА N. 1.)

Въ началѣ августа (стараго стиля) 1914 года, послѣ боевыхъ столкновеній въ раіонѣ Збоража 10 кавалерійская дивизія Генералъ Лейтенанта графа Ф. А. Келлера была спѣшно переброшена съ Тарнопольскаго направленія на Золочовское для рѣшительныхъ дѣйствій на этомъ направленіи совмѣстно съ 9 кавалерійской дивизіей князя Бегильдѣева.

7/20 августа наши дивизіи предприняли наступленіе для захвата переправы на р. Серетъ у гор. Залоще, обороняемой смѣшаннымъ отрядомъ изъ жандармовъ и ландштурмистовъ, съ приданными къ онымъ регулярными частями и артиллеріей.

9 кавалерійская дивизія наступала на Залоще съ востока, въ то же время 10 кавалерійская дивизія форсировала р. Серетъ у дер. Вертелка (южнѣе Залоще), сбивъ непріятельскія заставы и появилась къ вечеру того же дня въ тылу города. Противникъ очистилъ Залоще, отступивъ поспѣшно на западъ.

10 кавалерійская дивизія расположилась на ночлегъ въ д. Біалогловы; 9 кавалерійская дивизія стала въ самомъ Залоще.

На 8/21 августа задача 10 кавалерійской дивизіи сводилась къ развѣдкѣ на фронтѣ Золочовъ-Зборовъ и въ перерывѣ желѣзной дороги въ промежуткѣ между этими пунктами.

Сѣвернѣе — въ общемъ направленіи — Олеіовъ-Золочовъ и въ связи съ нами должна была слѣдовать 9 кавалерійская дивизія. (Князь Бегильдеевъ.)

Къ югу — наши разъѣзды временами соприкасались съ развѣдывательными частями 12 кавалерійской дивизіи Генерала Каледина.

Свѣдѣнія о противникѣ были чрезвычайно скудны.

До сего времени на пути нашего движенія встрѣчались небольшіе непріятельскіе отряды, которые при сильномъ нажимѣ отходили на западъ. Только у Залоще противникъ сдѣлалъ попытку къ серьезному сопротивленію. Такое же сопротивленіе ожидалось на линіи Золочова и Зборова, которые по агентурнымъ свѣдѣніямъ были прочно заняты австрійцами.

Кромѣ того уже нѣсколько дней чувствовалась близость крупныхъ непріятельскихъ кавалерійскихъ соединеній, пока неулавливаемыхъ ни глазомъ, ни развѣдкой.

Такъ рисовалась обстановка штабу 10-й кавалерійской дивизіи вечеромъ 7/20 августа, когда отдавались приказанія для похода на слѣдующій день.

Между тѣмъ со стороны австрійцевъ происходило слѣдующее:

Встревоженные сосредоточеніемъ и энергичными дѣйствіями русской конницы, австрійцы начали спѣшно стягивать въ раіонъ Залоще-Олеіовъ значительныя силы: отъ Бржезань черезъ Зборовъ сюда были направлены части 11-й

пѣхотной дивизіи Генерала Покорного; исподъ Тарнополя черезъ Езерну — двинута 8 кавалерійская дивизія Генерала Лемана, а изъ раіона Бродъ (Суховоля) спѣшно перебрасывалась 4 кавалерійская дивизія Генерала Заремба, которая уже къ вечеру 7/20 августа расположилась въ раіонѣ Нушче-Перепельники.

Въ теченіе 8/21 августа должно было состояться соединеніе всѣхъ непріятельскихъ частей, предназначенныхъ для операцій противъ Залоще, а слѣдовательно, наши дивизіи, выступившія въ этотъ же день въ направленіе Золочова и Зборова, могли оказаться сжатыми съ трехъ сторонъ превосходными силами противника.

Но какъ русскіе, такъ повидимому и австрійцы не были достаточно оріентированы въ обстановкѣ, вѣрнѣе, въ этотъ день обѣ стороны дѣйствовали вслѣпую и безъ связи внутри себя.

Въ результатѣ этого, день 8/21 августа ознаменовался лишь блестящимъ коннымъ боемъ 10-й русской и 4 австрійской кавалерійскихъ дивизій, столкнувшихся у д. Ярославице.

Остальныя силы, сгруппированныя въ треугольникѣ Золочова-Залоще-Зборова оставались неиспользованными: 9 кавалерійская дивизіи большую часть дня провела бездѣятельно въ раіонѣ Олеіова; 8 австрійская кавалерійская дивизія — въ этотъ день достигла раіона Ячковце-Богдановка (къ югу отъ Олеіова); 11 пѣхотная дивизія 8/21 августа заняла Зборовъ, а передовыми частями достигла линіи Ярославице-Волчковце въ тотъ моментъ когда уже закончился кавалерійскій поединокъ у этихъ деревень.

*

На разсвѣтѣ 8/21 августа 10 кавалерійская дивизія выступила изъ д. Біалогловы по дорогѣ на Бзовицу-Беремовце, имѣя въ виду пересѣчь желѣзную дорогу Золочовъ-Збо-

ровъ въ раіонѣ ст. Плуговъ-ст. Зборовъ. Развѣдка была выслана на фронтѣ Золочовъ—Зборовъ—Езерна. Порчу желѣзной дороги приказано произвести на участкѣ Плуговъ-Метеніовъ и восточнѣе Зборова, для чего развѣдывательнымъ частямъ были приданы подрывные вьюки.

Около 8 часовъ утра, какъ только голова авангарда, — 1-й Оренбургскій казачій полкъ съ батарей поднялась на высоту „Острый Гарбъ", въ 14 километрахъ западнѣе Залоще, Начальникъ дивизіи Генералъ графъ Келлеръ, слѣдовавшій со своимъ штабомъ, какъ всегда, въ головѣ авангарда, получилъ отъ разъѣзда донесеніе о томъ, что „со стороны Золочова близъ д. Ярославице въ 5—7 километрахъ отъ Остраго Гарба замѣчена большая колонна австрійской кавалеріи, двигающаяся наперерѣзъ пути слѣдованія нашей дивизіи".

Къ западу отъ этой деревни по дорогѣ на Зборовъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ шелъ обозъ, прикрываемый пѣхотой.

Не успѣлъ еще Генералъ графъ Келлеръ выслушать докладъ развѣдчика офицера (10 Гусарскаго полка корнета Эмниха), какъ съ сѣверо-западнаго направленія, т. е. съ той же стороны, гдѣ былъ обнаруженъ противникъ, послышались одиночные орудійные выстрѣлы . . .

Съ вершины Остраго Гарба можно было обозрѣвать на далекое разстояніе убѣгавшія на югъ и западъ гряды мягкихъ холмовъ, усѣянныя копнами только что сжатаго хлѣба. Лишь на сѣверъ и сѣверо-западъ частые перелѣски ограничивали кругозоръ. Однако, въ послѣднемъ направленіи острый глазъ могъ замѣтить клубы пыли, или дыма, подымающіеся къ небу.

Все это указывало на то, что невдалекѣ находятся крупныя, разумѣется по масштабу отдѣльно дѣйствующей кавалерійской дивизіи, силы противника и что послѣдній, повидимому, ввязался въ бой съ передовыми частями слѣ-

довавшей сѣвернѣе насъ 9 кавалерійской дивизіи, которая по нашимъ предположеніямъ должна была въ это время выходить на западную окраину Олеіова.

Генералъ графъ Келлеръ, выслушавъ докладъ, тотчасъ же принялъ рѣшеніе: „Свернуть всей дивизіей съ направленія первоначальнаго движенія и на-рысяхъ идти на помощь 9 кавалерійской дивизіи, стремясь охватить противника съ юга“.

Для прикрытія этого маневра слѣва — были выдвинуты два эскадрона 10 гусарскаго полка (Подполковникъ Кюгельгенъ), изъ состава которыхъ впослѣдствіи было выдѣлено прикрытіе къ артиллеріи.

Пройдя въ сѣверо-западномъ направленіи безъ дорогъ около 5 километровъ и обогнувъ сѣверную окраину дер. Ярославице, авангардъ дивизіи ввязался въ бой съ австрійской пѣхотой (схема N. 2).

Съ высоты, на которой разсыпались въ лаву казаки, ясно было видно, какъ непріятельскія цѣпи, разсыпанныя на холмахъ восточнѣе дер. Волчковце, перебѣжками, скрываясь и стрѣляя изъ за копенъ пшеницы, приближались къ Оренбургцамъ. На юго-западъ отъ той же деревни быстро уходилъ обозъ, исчезая за гребнемъ холмовъ и только хвостъ колонны обоза, окруженный стрѣлковой цѣпью, еще долго виднѣлся на горизонтѣ.

Разгоралась ружейная перестрѣлка; посвистывали пули. Вслѣдъ за тѣмъ надъ нашими головами разорвалось нѣсколько шрапнелей: непріятельская артиллерія изъ за бугровъ сѣверо-восточнѣе д. Волчковце — въ 2—3 километрахъ отъ насъ, стала обстрѣливать казачью лаву и ставшій здѣсь же штабъ дивизіи; число стрѣлявшихъ орудій, судя по очередямъ разрывавшихся шрапнелей, опредѣлялось въ 8.

Въ томъ же мѣстѣ, откуда доносились орудійные выстрѣлы, то появлялись, то исчезали быстро двигающіяся

черныя змѣйки, окутанныя клубами пыли. Отдѣльныя группы всадниковъ (разъѣзды) то и дѣло показывались на горизонтѣ. Не оставалось сомнѣній, что въ этомъ раіонѣ находится австрійская кавалерія.

Сѣвернѣе отъ насъ, на опушкахъ перелѣсковъ, показывались передовыя части 9 кавалерійскій дивизіи, по которымъ очевидно, австрійскія батареи еще ранѣе открывали огонь, слышанный нами съ вершины Остраго Гарба.

Что же касается самой дивизіи, то, запоздавъ съ выступленіемъ съ ночлега, она отстала въ походѣ и въ этотъ моментъ все еще находилась на привалѣ въ раіонѣ Олеіова и перелѣсковъ, западнѣе его, въ 4—6 километрахъ отъ насъ.

Сознаніе близкой встрѣчи съ конницей противника, что съ нетерпѣніемъ ожидалось всѣми нами съ перваго дня объявленія войны, заставляло живѣе биться сердца; раздавались радостные возгласы; на лицахъ присутствующихъ замѣчалось волненіе и рѣшимость. Только одно сомнѣніе закрадывалось въ душу: а вдругъ, противникъ уйдетъ, не принявъ боя? Хотѣлось немедленно же ринуться впередъ, пренебрегая ведущими огонь цѣпями непріятельской пѣхоты и скорѣе добраться до его кавалеріи.

Можетъ быть тѣ же чувства переживалъ и Начальникъ дивизіи Генералъ графъ Келлеръ, поспѣшно отдававшій приказанія:

„1-му оренбургскому казачьему полку — немедленно атаковать наступающія цѣпи австрійской пѣхоты (силы ихъ достигали не менѣе одного батальона) и овладѣть д. Волчковце“. „3-му Донскому артиллерійскому дивизіону“, выѣхавшему къ этому времени въ полномъ составѣ на открытую позицію вблизи штаба дивизіи, — „поддержать атаку Оренбургцевъ“ (вторая батарея была вызвана изъ колонны главныхъ силъ къ авангарду еще приказаніемъ посланнымъ съ вершины Остраго Гарба).

Главнымъ силамъ послано приказаніе: „Спѣшно подтягиваться“.

Генералъ графъ Келлеръ рѣшилъ разбить находившагося передъ нами противника — его конницу, атакуя ее, немедленно, не ожидая подхода 9 кавалерійской дивизіи. Однако о своемъ рѣшеніи онъ послалъ увѣдомленіе начальнику этой дивизіи и просилъ его поспѣшить съ подходомъ.

Оренбургская лава рысью, потомъ усиливая аллюръ, двинулась въ атаку. Въ нѣсколько минутъ казаки доскакали до австрійскихъ цѣпей; заработали шашки и пики . . . Какъ колосья сжатаго хлѣба падали австрійцы подъ ихъ ударами . . . Но и Оренбургцы понесли значительныя потери: нѣсколько десятковъ всадниковъ свалилось съ коней; лошади, почуявъ свободу скакали въ разныя стороны, другія — продолжали нестись къ деревнѣ.

Австрійцы встрѣтили атаку сильнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Вскорѣ стрѣльба приняла безпорядочный характеръ; наконецъ они не выдержали и сбиваясь въ группы, бросились бѣжать къ деревнѣ Волчковце; нѣкоторые же изъ нихъ, упавъ на землю или скрываясь за копнами, продолжали стрѣлять въ спину уже пронесшихся впередъ всадниковъ.

Начальникъ дивизіи приказалъ своему конвою собрать оставшихся въ тылу казачьей лавы австрійцевъ. Полъ сотни плѣнныхъ было подведено къ штабу дивизіи.

Немедленнымъ опросомъ плѣнныхъ была установлена ихъ принадлежность къ 35 ландверному полку приданному 4-й австрійской кавалерійской дивизіи; этотъ полкъ (два батальона), слѣдовавшій въ сторону Зборова, получилъ неожиданно приказаніе остановиться и начать наступленіе на востокъ противъ русской кавалеріи. Въ томъ же раіонѣ по показаніямъ плѣнныхъ находилась вся 4 кавалерійская дивизія, выступившая въ этотъ день на разсвѣтѣ изъ раіона Нушче-Перепельники.

При приближенiи къ деревнѣ Волчковце Оренбургцы снова были встрѣчены съ окраины ея сильнымъ ружейнымъ огнемъ и принуждены были спѣшиться. Завязался пѣшiй бой за обладанiе деревней.

Около 10 часовъ утра къ штабу дивизiи подошла колонна главныхъ силъ — драгуны, уланы, гусары.

Начальникъ дивизiи приказалъ командиру бригады Генералу Маркову съ главными силами продолжать движенiе, скрываясь въ лощинахъ, въ направленiи откуда доносились раскаты орудiйныхъ выстрѣловъ непрiятельскихъ батарей; самъ же со штабомъ и конвоемъ слѣдовалъ впереди ихъ, идя отъ вершины къ вершинѣ, дабы сохранить обзоръ и не терять изъ виду происходящаго у казаковъ.

Впереди скакали боевые разъѣзды, высланные передъ началомъ движенiя Начальникомъ дивизiи и артиллерiйскiе развѣдчики.

II. КОННАЯ АТАКА.

(СХЕМА N. 2. и N. 3.)

Мѣстность сѣверо-западнѣе д. Ярославице — открытая, холмистая; лощины съ пологими скатами, прорѣзывающiя описываемый раiонъ, позволяли производить маневрированiе скрыто. Только на сѣверо-западъ и частью на западъ гряды холмовъ сравнительно круто спускались въ болотистую долину рѣки Стрыпы, переправа черезъ которую съ выходомъ на Золочовскiй путь имѣлась лишь у фольварка Безодны сѣвернѣе д. Волчковце.

Узкая лощина, начинаясь вблизи переправы, тянулась въ общемъ направленiи на сѣверо-востокъ; за сѣверо-западнымъ гребнемъ этой лощины виднѣлась небольшая роща.

Со стороны именно этой рощи раздавались орудiйные выстрѣлы.

Какъ только штабъ дивизіи появился на вершинѣ холма, расположеннаго на южномъ берегу упомянутой лощины, нашимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: у опушки рощи — въ $^1/_2$ километрѣ отъ насъ стояли на позиціи двѣ австрійскія батареи, ведшія огонъ; снаряды съ визгомъ проносились надъ нашимъ штабомъ и рвались далеко позади — надъ батареями 3-го Донского артиллерійскаго дивизіона, начавшими переѣздъ по-частямъ на ближнія позиціи.

Чуть вправо отъ непріятельскихъ батарей и еще ближе къ намъ виднѣлась черно-голубая полоса, какъ бы окаймлявшая желтую поверхность противоположнаго ската лощины. То были парадные мундиры, головные уборы австрійскихъ улановъ, стоявшихъ въ развернутомъ строю. Гребень ската скрывалъ на половину туловища всадниковъ и коней.

Насъ и австрійцевъ раздѣляла только узкая лощина.

Нѣсколько мгновеній обѣ стороны оставались неподвижными . . .

Вдругъ на бугрѣ передъ строемъ обрисовалась группа всадниковъ; вслѣдъ за тѣмъ явственно послышался голосъ команды . . . заблестѣли обнаженныя сабли . . .

Очевидно австрійцы, замѣтилъ насъ и подходившую колонну Генерала Маркова, готовились къ бою . . .

Въ это же время, Генералъ графъ Келлеръ въ свою очередь отдавалъ распоряженія для атаки. Понеслись карьеромъ ординарцы . . . Трубачи затрубили „Походъ“ . . .

Минута была жуткая. Противники, жаждущіе побѣды, сошлись лицомъ къ лицу . . . Чувствовалось, что сейчасъ должно произойти что-то долгожданное, но въ то же время необыкновенное, рѣшающее и страшное . . . Порывъ и жуть одновременно наполняли сердце . . . Напряженные взоры жадно впивались то въ стройную линію австрійскихъ касокъ, то въ сѣро-желтые ряды нашихъ полковъ, подходившихъ рысью . . .

Казалось, что медленно скачутъ ординарцы, посланные Начальникомъ дивизіи съ приказаніями . . . Невѣроятно долго, казалось, не принимаютъ сигнала полковые трубачи . . .

Но это только казалось . . .

По длинной лентѣ колонны дивизіи прошелъ электрическій токъ; масса вздрогнула, — полки начали выстраивать фронтъ и галопомъ выходить на одну линію.

Уже черезъ нѣсколько минутъ мимо штаба дивизіи проходили развернутымъ фронтомъ — справа драгуны и уланы, получившіе приказаніе атаковать противника съ фронта. Лѣвѣе насъ прошли гусары.

Генералъ графъ Келлеръ „голосомъ" отдалъ приказаніе скачущему впереди полка командиру гусаръ полковнику Богородскому: — „Держаться на уступѣ!" . . . и . . . „Атаковать во флангъ!"

Правѣе драгунъ — на вершинѣ гребня стали на позицію наши пулеметы.

Рѣзко, у самаго уха, снова прозвучалъ сигналъ, повторяясь эхомъ по строю и въ рощѣ. Трубили „къ бою!" . . .

Сѣрые всадники наклонили пики . . . Снова звуки сигналовъ прорѣзали воздухъ . . .

Выйдя на гребень южнаго ската лощины, наши полки увидѣли противника. По рядамъ сорвалось „Ура!" . . . и замолкло . . .

Между тѣмъ, австрійцы не трогались съ мѣста.

Тонкой и стройной линіей Драгунскій и Уланскій полки спускались въ лощину. Гдѣ-то справа раздался рокотъ пулеметовъ; засвистали пули. Видно было, что правый флангъ Драгунскаго полка попалъ въ снопъ пуль и, сжимаясь налѣво, началъ быстрѣе спускаться въ лощину.

Лощина пройдена. Драгуны и уланы уже подымались по сѣверо-западному ея скату. Гусары, преодолѣвъ глубокія

придорожныя канавы, бѣлой лентой подошли къ подошвѣ того же ската (10-й гусарскій Ингерманладскій полкъ имѣлъ сѣрыхъ коней). Наша линія уже находилась на полускатѣ-шагахъ въ 300 отъ вершины.

Въ это время зашевелилась дотолѣ неподвижная австрійская линія и вслѣдъ затѣмъ черная полоса развернутаго строя, прорѣзанная красной линіей чакчиръ, волнующаяся бѣлыми султанами и голубыми развивающимися ментиками, блистая шлемами и касками, вся сомкнутая и выровненная, въ поразительномъ порядкѣ и красотѣ показалась на гребнѣ! . . .

— Австрійцы пошли въ атаку! . . .

Напряженное состояніе ожиданія смѣнилось новымъ порывомъ, радостью и трепетомъ . . . Хотѣлось броситься впередъ и слиться въ общемъ вихрѣ . . . Хотѣлось кричать . . . и предупредить наши полки о нависшей надъ ними опасности . . .

Я взглянулъ на графа Келлера. Стройная, величественная фигура всадника, стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ меня, оставалась неподвижной, какъ бы окаменѣлой; взоръ впился въ противоположный скатъ лощины, какъ будто отыскивалъ ту грань, на которой произойдетъ встрѣча, гдѣ сейчасъ должна родиться побѣда и вмѣстѣ съ ней лучезарная слава . . . или . . . смерть! Другого рѣшенія быть не могло.

Наши полки снова увидѣли, но уже совсѣмъ близко передъ собой, надвигающуюся на нихъ лавину . . .

Волны „Ура!“ прокатились по всему фронту и вслѣдъ за тѣмъ смѣшались въ глухомъ, протяжномъ, тяжеломъ ударѣ двухъ столкнувшихся живыхъ массъ . . .

Произошелъ „Choc“ . . .

Первая шеренга австрійскаго строя на мгновенье замерла и какъ бы поднялась на воздухъ, нанизанная на русскія

пики. Раскатами барабанной дроби посыпались шашечные и сабельные удары, то-глухіе, то-рѣзкіе, металическіе въ тѣхъ случаяхъ, когда шашка встрѣчала на своемъ пути желѣзныя каски. Сѣрыя защитныя рубашки нашихъ всадниковъ просачивались между австрійскими голубыми ментиками. Видно было. что обѣ стороны начали разстраиваться и смѣшиваться въ общую массу.

Разгорался рукопашный бой: всадникъ рубилъ, кололъ всадника . . . слышался непрерывный лязгъ желѣза . . . раздавались револьверные выстрѣлы. Справа доносилась непрерывная трескотня пулеметовъ . . .

За первой линіей австрійцевъ (6—8 эскадроновъ) слѣдовала вторая (6 эскадроновъ); затѣмъ — третья линія (4 эскадрона), двигавшіяся въ атаку въ линіи взводныхъ колоннъ.

Безформенная масса, какъ рой пчелъ или взбудораженный муравейникъ, жужжала и кружилась на одномъ мѣстѣ. Вотъ, недалеко отъ насъ, уланъ, нанизавши на пику одного австрійца и не успѣвъ освободить пики отъ нависшаго на ней груза, защищается отъ удара другого, выхвативъ изъ зубовъ шашку, бьетъ подскочившаго врага по головѣ и покончивъ такимъ образомъ съ двумя, уносится дальше въ поискахъ новой добычи . . .

Здѣсь же рядомъ, 10 Драгунскаго полка поручикъ Кобеляцкій шашечнымъ ударомъ отсѣкаетъ по локти обѣ руки скакавшаго мимо австрійскаго маіора; а шашка, идя дальше, впилась до позвонка въ шею породистаго гунтера . . .

Далѣе — всадникъ, потерявшій коня, стоитъ у его трупа и, уперевъ пику однимъ концомъ въ землю, другимъ концомъ ея насаживаетъ наскочившаго австрійца.

Къ Начальнику дивизіи, запыхавшись, на взмыленномъ конѣ подлетаетъ всадникъ съ докладомъ: „Ваше Сіятельство! рублю, рублю этихъ с . . . с . . . по головѣ, но никакъ не могу разрубить ихней шапки (каски)“.

— „Бей ихъ въ морду и по шеѣ!“ отвѣчаетъ графъ Келлеръ. Всадникъ круто осадилъ коня, взмахнулъ шашкой и снова потонулъ въ клокочущей массѣ . . . Черезъ часъ тотъ же всадникъ-уланъ Голдава докладывалъ Начальнику дивизіи, но уже при другой обстановкѣ, о томъ, что воспользовавшись генеральскимъ совѣтомъ, онъ зарубилъ въ этотъ день болѣе десяти австрійцевъ.

Какъ долго продолжалась конная схватка учесть было невозможно.

Ударъ второй австрійской линіи по разстроенной уже массѣ былъ настолько силенъ, что вся она заколебалась широкими волнами, приняла форму дуги вогнутой въ нашу сторону и начала зигзагами подаваться къ намъ-сначала медленно, но потомъ все быстрѣе и быстрѣе.

Вотъ уже схватка происходитъ на южномъ скатѣ лощины . . .

Еще моментъ, — и сѣрыя рубашки стали рѣдѣть въ центрѣ. Драгуны и уланы разступились и въ образовавшійся прорывъ вклинился въ взводной колоннѣ одинъ изъ эскадроновъ второй австрійской линіи . . . (Схема N. 3).

Мимо штаба дивизіи вправо и влѣво отъ него безудержно неслись въ тылъ отдѣльные всадники и безпорядочныя группы, состоявшія изъ русскихъ и австрійцевъ. Всѣ почему-то неистово кричали; на лицахъ у всѣхъ былъ написанъ ужасъ страха и безумія . . .

Уже штабъ дивизіи поглощался этой массой; а въ то же время передъ нашими глазами стройной колонной проносился также куда-то въ пространство нашего тыла австрійскій эскадронъ . . .

И сейчасъ ясно помнятся тѣ равномѣрные взмахи и гулкіе удары сотенъ копытъ, какъ будто бы это происходило вчера, а не 7 лѣтъ тому назадъ . . . Во встревоженномъ воображеніи возникалъ вопросъ: „Не сонъ ли

это? . . . или дѣйствительно австрійцы въ нашемъ тылу . . . и все погибло? . . . Такъ вотъ что такое конный бой, котораго мы такъ долго и нетерпѣливо ждали! . . . А что ожидаетъ насъ въ Россіи? . . . Позоръ! . . . Нѣтъ, лучше погибнуть здѣсъ же, не сходя съ мѣста! . . . Но, если суждено умереть сегодня, то . . . раньше убью хоть одного изъ нихъ! . . .

— Въ Атаку! . . . подымалось гдѣ то изъ глубины сознанія и въ то же время послышались слова команды: „Штабъ и конвой — въ атаку!"

Генералъ графъ Келлеръ съ изумительной тонкостью почувствовалъ пульсъ боя и отдалъ это послѣднее приказаніе, рѣшившее его судьбу . . .

Дѣло въ томъ, что Начальникъ дивизіи, какъ и въ первые моменты боя, оставался неподвижнымъ. Возлѣ него стоялъ штабъ и конвой.

Прорывъ и появленіе австрійцевъ въ нашемъ тылу создавали болѣе чѣмъ серьезное положеніе. Ни второй линіи, которая могла бы встрѣтить прорвавшіяся части, ни резерва для парированія прорыва у Начальника дивизіи не было. Оставался невведеннымъ въ бой лишь взводъ Оренбургскихъ казаковъ — его личный конвой, группа штаба дивизіи и ординарцы.

Въ этотъ критическій моментъ Генералъ графъ Келлеръ бросилъ на вѣсы побѣды и пораженія послѣднюю, остававшуюся въ его рукахъ, маленькую гирю. Это было единственное еще возможное въ подобныхъ обстоятельствахъ рѣшеніе.

Штабъ и конвой какъ бы ждали это приказаніе и съ мѣста понеслись во флангъ, проходившему мимо насъ эскадрону. Начальникъ конвоя сотникъ Пензинъ, скакавшій рядомъ со мной, выхватилъ изъ кобуры револьверъ, прицѣлился и выстрѣлилъ . . . Несшійся впереди австрійскаго

эскадрона командиръ его — польскій графъ замертво свалился съ лошади, сраженный его пулей . . .

Эскадронъ не выдержалъ нашей атаки; исполнивъ заѣздъ „по-взводно налѣво“, онъ сталъ быстро уходить съ поля сраженія на сѣверъ. За нимъ потянулись безпорядочныя группы всадниковъ. Австрійцы дрогнули! . . .

На этомъ участкѣ побѣда была въ буквальномъ смыслѣ слова вырвана изъ ихъ рукъ.

Въ это же самое время съ неба на землю спускалась желтая мгла. Солнце покрывалось полупрозрачнымъ дискомъ, окаймленнымъ серебрянным сіяніемъ. Наступало полное затмѣніе солнца.

Генералъ графъ Келлеръ, съ небольшой группой штаба, собравшагося возлѣ него послѣ атаки, поскакалъ черезъ лощину.

Было около 12 часовъ дня.

Что же происходило на другихъ участкахъ боя?

10-й Гусарскій полкъ, идя на уступѣ слѣва, преодолѣвъ канавы и произведя на ходу перемѣну фронта, подошелъ къ мѣсту столкновенія въ тотъ моментъ, когда въ атаку шла третья австрійская линія.

Съ развивающимся штандартомъ быстро продвигались гусары вдоль ската лощины. Правый флангъ полка атаковалъ ближайшій эскадронъ третьей австрійской линіи и смялъ его. Два лѣвофланговые эскадрона той же линіи попали подъ огонь русскихъ пулеметовъ. Всадники валились съ коней, падали лошади . . . Но все же эскадроны подошли къ общей свалкѣ, частью врѣзались въ нее, а частью, повернувъ „налѣво кругомъ“, стали уходить на сѣверъ, разстрѣливаемые нашими пулеметами.

Лѣвофланговый эскадронъ Гусарскаго полка подъ командой ротмистра Барбовича (нынѣ генералъ; въ гражданскую войну — талантливый начальникъ всей конницы Воору-

женныхъ силъ Юга Россіи), поднявшись на гребень сѣвернаго ската лощины и замѣтивъ въ непосредственной близости отъ себя австрійскія батареи, бросился на нихъ въ атаку. Гусары доскакали до орудій. Артиллеристы отстрѣливались изъ револьверовъ, прячась за орудіями и скрываясь за деревнями рощи. Спѣшившись и работая пиками и шашками, гусары отбили орудія и овладѣли опушкой рощи.

Вправо отъ послѣдней недалеко отъ батарей была замѣчена колонна около двухъ-трехъ эскадроновъ, стоявшихъ въ конномъ строю. Повидимому, это былъ резервъ начальника 4 австрійской кавалерійской дивизіи Генерала Заремба или же прикрытіе къ батареямъ. Эта колонна, видя начавшееся бѣгство и потерю орудій, не приняла участія въ бою и быстро стала уходить.

Уцѣлѣвшія отъ разгрома австрійскія части уходили на сѣверо-западъ и сѣверъ; остальная же масса въ полномъ безпорядкѣ бросилась бѣжать частью туда же, а частью къ переправѣ у фольварка Безодны, куда скакали зарядные ящики и передки безъ орудій.

Начальникъ дивизіи Генералъ графъ Келлеръ со штабомъ былъ на гребнѣ къ юго-востоку отъ рощи и отдавалъ приказанія для преслѣдованія.

Наши полки на усталыхъ взмыленныхъ коняхъ, разстроенные и утомленные атакой, собирались вокругъ своихъ штандартовъ. Отдѣльные эскадроны драгунъ и уланъ, успѣвшіе на ходу собраться и устроиться, мчались за бѣгущими на сѣверъ австрійцами.

Преслѣдованіе велось только до долины Стрыпы, гдѣ его пришлось прекратить вслѣдствіе крайняго утомленія частей и въ виду препятствія представлявшаго ея болотистыми берегами.

Австрійцы же, спасаясь отъ преслѣдованія, прошли черезъ болота, оставивъ много лошадей завязшими въ тинѣ. Бѣгущаго противника преслѣдовали ружейнымъ и артилле-

рійскимъ огнемъ, выѣхавшихъ къ этому времени на позицію на мѣстѣ окончившагося боя, батарей 3 Донского артиллерійскаго дивизіона.

10-й Гусарскій полкъ, справившись съ непріятельскими батареями, преслѣдовалъ противника, убѣгавшаго на западъ къ переправѣ у фольварка Безодны.

Когда бѣгущая масса стала спускаться въ долину Стрыпы, она была встрѣчена атакой 1-й Оренбургской сотни есаула Полозова, которая къ этому времени заняла переправу черезъ рѣку и спѣшила къ полю боя.

Оказалось, что есаулъ Полозовъ, командовавшій правофланговой сотней Оренбургскаго казачьяго полка, овладѣвшаго д. Волчковце, слышалъ выстрѣлы и шумъ все еще продолжавшагося къ сѣверо-востоку отъ этой деревни боя и по собственной иниціативѣ рѣшилъ идти на помощь дивизіи, направившись долиною Стрыпы. Къ полю коннаго боя сотня подходила въ тотъ моментъ, когда австрійцы дрогнули и началось ихъ бѣгство.

Отрѣзанные отъ переправы, австрійцы метались въ разныя стороны . . . Началось ужасное избіеніе . . . Кто могъ спасался коннымъ или пѣшимъ черезъ рѣку вбродъ; зарядные ящики и орудійные передки бросились туда-же въ промежуткѣ между рощей и переправой, завязли въ болотѣ и остались там въ числѣ трофеевъ побѣдителя. Груды труповъ валялись у самой переправы, занятой казаками; все, что доскакало до переправы погибло подъ ударами шашекъ или пикъ, или сраженное пулей.

На этомъ участкѣ преслѣдованіе продолжалось, также какъ и на правомъ флангѣ, только до болотистой долины. Утомленіе брало верхъ.

Съ высоты, на которой находился штабъ дивизіи, было видно, какъ противникъ уходилъ въ безпорядкѣ, безъ дорогъ на сѣверъ въ направленіи д. Нушче.

Поле только что закончившагося боя представляло чарующую картину. Закрытое еще темной пеленой солнце тускло свѣтило; столбы неулегшейся пыли, перевитые желтыми лучами, мрачными тѣнями гуляли по полю . . . Желтый коверъ недавно сжатой пшеницы былъ усыпанъ красными и голубыми цвѣтами-маками и васильками: то были тѣла убитыхъ и раненыхъ австрійцевъ. Между ними, но значительно рѣже попадались сѣро-желтыя пятна — тѣла погибшихъ и раненыхъ русскихъ. Раненые шевелились; иные пытались подняться, протягивали руки и молили о помощи . . . Раны были ужасны; особенно поражали величиной и жестокостью раны многихъ убитыхъ и раненыхъ австрійцевъ — то были слѣды уколовъ пики.

Начальникъ дивизіи объѣзжалъ поле боя, останавливался возлѣ раненыхъ, обращаясь къ нимъ со словами утѣшенія. Много знакомыхъ лицъ пришлось увидѣть въ этотъ день лежащими на землѣ на мѣстѣ схватки.

По полю носились во всѣ стороны обезумѣвшіе отъ страха и потерявшіе всадниковъ кони.

Здѣсь и тамъ стояли группы плѣнныхъ. Убитые, раненые и плѣнные принадлежали ко всѣмъ полкамъ 4 кавалерійской дивизіи (1 и 13 уланскіе, 9 и 15 драгунскіе полки).

Изъ рощи все еще доносились крики и одиночные выстрѣлы: тамъ шарили наши, собирая засѣвшихъ въ рощѣ и еще сопротивлявшихся австрійцевъ.

Группа гусаръ, возбужденная, сердито размахивавшая и грозившая шашками вывела на опушку рощи нѣсколько австрійцевъ; одинъ изъ нихъ что-то кричалъ и видимо сопротивлялся.

Замѣтивъ вблизи рощи группу всадниковъ съ развивающимся надъ ней флагомъ и догадываясь что это штабъ, австріецъ проявилъ отчаянное усиліе, вырвался изъ рукъ державшихъ его гусаръ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впе-

редъ и на чистѣйшемъ французскомъ діалектѣ обратился къ стоявшему впереди штаба Генералу графу Келлеру:

— „Votre Exellence, я ротмистръ уланскаго полка, полякъ…, сегодня, какъ видите, я тяжело раненъ… сдаюсь на милость побѣдителя, но прошу пощадить честь офицера и приказать не отбирать отъ меня сабли“ …

Благородныя черты породистаго лица ротмистра были подернуты блѣдностью и свидѣтельствовали о переживаемомъ волненіи и страданіяхъ. Правая рука прижимала къ груди перебитую лѣвую руку; мундиръ растегнулся, а сползшій съ плечъ голубой ментикъ открывалъ широкую черезъ всю шею прорѣзанную рану, изъ которой еще струилась кровь, алыми пятнами покрывавшая безукоризненной бѣлизны рубаху . . .

Трубили „Сборъ“ . . .

Повторные сигналы производили свое дѣйствіе. Со всѣхъ сторонъ стекались утомленныя части. Вели плѣнныхъ, захваченныхъ лошадей, тащили передки, орудія, пулеметы.

Полки выстраивались вдоль гребня на мѣстѣ боя. Послѣднимъ подошелъ 1-й Оренбургскій казачій полкъ, который за время описанныхъ событій овладѣлъ д. Волчковце, выбивъ изъ нея непріятельскую пѣхоту и обративъ ее въ бѣгство.

Генералъ графъ Келлеръ подъѣзжалъ къ полкамъ и поздравлялъ ихъ съ побѣдой. Восторженные крики „Ура“ были отвѣтомъ на привѣтствіе.

Въ это же самое время къ правому флангу дивизіи подошла голова походной колонны 9 кавалерійской дивизіи, а на горизонтѣ — на гребняхъ высотъ южнѣе д. Волчковце появились медленно наступающія цѣпи непріятельской пѣхоты (части 11 пѣх. дивизіи подошедшія со стороны Зборова).

Началась спѣшная уборка раненыхъ и погребеніе убитыхъ.

Здѣсь же на мѣстѣ боя было написано первое донесеніе объ одержаной побѣдѣ, при чемъ бой 8/21 августа былъ названъ, боемъ у деревни Ярославице, старо-русское названіе которой наиболѣе отвѣчало воодушевлявшимъ насъ тогда идеямъ.

Утомленная всѣмъ пережитымъ, съ порѣдѣвшими рядами, но гордая побѣдой и обремененная трофеями, 10-ая кавалерійская дивизія возвратилась на ночлегъ въ гор. Залощe.

Потери дивизіи убитыми и ранеными достигали 150 человѣкъ; выбывшія изъ строя лошади были немедленно замѣнены австрійскими.

Трофеи: около 250 человѣкъ плѣнныхъ кавалеристовъ и
около 400 человѣкъ пѣхотинцевъ,
около 300 лошадей,
8 орудій съ передками и зарядными ящиками,
пулеметы,
ящикъ съ канцеляріей штаба 4 австрійской кавалерійской дивизіи и прч.

Кромѣ того австрійцы потеряли нѣсколько сотъ человѣкъ убитыми и ранеными.

III. НѢКОТОРЫЯ НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢЧАНІЯ УЧАСТНИКА КОННАГО БОЯ.

Въ самомъ началѣ Великой войны 10-ая кавалерійская дивизія, наряду съ другими дивизіями русской конницы, была выдвинута передъ фронтъ развертывавшейся III. русской арміи для прикрытія ея развертыванія, т. е. для образованія завѣсы и въ цѣляхъ развѣдки.

Выполненіе первой задачи не вызывало большихъ трудностей, такъ какъ противникъ держался въ общемъ

пассивно. Но съ другой стороны, вся пригpаничная полоса Восточной Галиціи отъ Бродъ до Хотина была наводнена мелкими смѣшанными отрядами — австрійскихъ ландштурмистовъ и жандармовъ съ приданными къ нимъ регулярными частями. Эти отряды опирались на четыре кавалерійскія дивизіи: 1 кав. дивизія — въ раіонѣ Скала, 5 гонв. кав. дивизія — у Трембовли, 8 кавал. дивизія — у Тарнополя и 4 кав. дивизія — у Бродъ; за ними стояли двѣ пѣхотныя дивизіи: 43 ландверная — у Залещиковъ и 11 пѣхотная — въ раіонѣ Тарнополя—Бржезанъ.

Такъ были прикрыты развертывавшіяся въ Восточной Галиціи австрійскія арміи.

Завѣса эта сильно препятствовала нашей развѣдкѣ. Между тѣмъ въ началѣ августа (стараго стиля) точныя свѣдѣнія о противникѣ были особенно нужны, такъ какъ наши арміи уже готовы были начать общее наступленіе.

Вслѣдствіе этого, прорывъ австрійской завѣсы и установленіе непосредственнаго соприкосновенія съ главными силами противника явилось неотложной задачей дня.

Ясно было, что выполненіе этой задачи приведетъ насъ къ столкновенію съ австрійской конницей, скрытое маневрированіе которой вдоль границы ясно ощущалось.

Этотъ моментъ съ нетерпѣніемъ всѣми ожидался и къ нему готовились со дня прибытія изъ центра Россіи на границу.

Нетерпѣніе ожиданія встрѣчи съ конницей противника все возростало; жадно ловились малѣйшія свѣдѣнія и слухи о ея появленіи то-здѣсь, то-тамъ. Но противникъ, какъ будто, не спѣшилъ обнаруживать себя и тѣмъ болѣе вступать въ бой съ нами, но лишь выматывалъ наши силы ночными тревогами, излишними нарядами на развѣдку, охраненіе и безполезными подчасъ маневрами.

Отсюда понятны радость, съ которой было выслушано

на вершинѣ Остраго Гарба донесеніе о появленіи впереди нашей дивизіи кавалеріи противника и та поспѣшность, съ которой были приняты здѣсь же первоначальныя рѣшенія — свернуть немедленно съ прежняго направленія движенія въ сторону дѣйствій 9 кавалерійской дивизіи и атаковать противника.

Разумѣется при этомъ имѣлъ вліяніе и популярный въ русской арміи завѣтъ: „самъ погибай, — а товарища выручай“.

И съ той и съ другой точки зрѣнія, рѣшеніе Начальника дивизіи Генерала графа Келлера, принятое имъ у Остраго Гарба, было совершенно правильнымъ.

Остановившись на этомъ рѣшеніи, Генералъ графъ Келлеръ такъ же быстро и энергично сталъ проводить его въ исполненіе. Для сокращенія пути дивизія была двинута въ новомъ направленіи безъ дорогъ; но частямъ приходилось идти по недавно скошеннымъ новямъ, колеса орудій глубоко врѣзывались въ рыхлую почву, полки растягивались. Подобное рѣшеніе, пожалуй, было неправильнымъ, такъ какъ, не давая большого выигрыша во времени, приводило къ излишнему утомленію конскаго состава, о чемъ пришлось сильно пожалѣть въ тотъ же день нѣсколькими часами позже.

Ту же поспѣшность, граничащую съ неосторожностью, въ принятіи рѣшеній Генералъ графъ Келлеръ обнаруживалъ 8/21 августа еще нѣсколько разъ, чѣмъ подвергалъ дивизію величайшему риску.

Дабы судить о справедливости этого замѣчанія остановимся нѣсколько подробнѣе на двухъ моментахъ въ развитіи боя и разсмотримъ соотношеніе силъ.

Прискакавъ со штабомъ дивизіи къ головному отряду и вмѣстѣ съ нимъ поднявшись на высоту съ отдѣльнымъ домомъ сѣверо-западнѣе д. Ярославице, Генералъ графъ

Келлеръ получилъ оріентировку на основаніи личныхъ наблюденій.

Онъ уже положительно зналъ, что въ раіонѣ дер. Волчковце имѣется пѣхота и какія-то крупныя силы непріятельской конницы, по всей вѣроятности дивизія съ двумя батареями и рѣшилъ разбить конницу противника, не ожидая подхода 9 кавалерійской дивизіи, что могло произойти не далѣе какъ черезъ 1—$1^1/_2$ часа.

Свѣдѣнія, полученныя немного позже отъ плѣнныхъ, захваченныхъ при атакѣ Оренбургскимъ казачьимъ полкомъ непріятельской пѣхоты, уже опредѣленно указывали на присутствіе въ этомъ раіонѣ 4 австрійской кавалерійской дивизіи. Но и послѣ полученія этихъ данныхъ Генералъ графъ Келлеръ не измѣнилъ своего рѣшенія и не замедлилъ его исполненія.

Наоборотъ, какъ бы опасаясь, что противникъ можетъ уйти, онъ энергично торопилъ подходъ главныхъ силъ дивизіи и лично направился въ сторону рощи откуда доносились орудійные выстрѣлы, не выждавъ даже выдвиженія впередъ боевыхъ разъѣздовъ.

Соотношеніе силъ было таково:

4-ая австрійская кавалерійская дивизія могла имѣть и какъ оказалось, фактически имѣла на полѣ боя 4 полка; всего до 20—21 эскадроновъ (см. таблицу въ приложеніи).

10-ая кавалерійская дивизія, имѣвшая въ своемъ составѣ всего 18 эскадроновъ (см. таблицу въ приложеніи), въ этотъ день была сильно разбросана. За выдѣленіемъ частей для развѣдки на фронтѣ Золочовъ—Зборовъ—Езерна и для подрыванія желѣзной дороги, сильнаго бокового авангарда (2 эскадрона гусаръ) и, наконецъ, Оренбургскаго казачьяго полка (5 сотенъ) ввязавшагося въ бой съ пѣхотой, Начальникъ дивизіи имѣлъ для конной атаки только 10 эскадроновъ:

10 Драгунскаго Новгородскаго полка . . 4 эскадрона,
10 Уланскаго Одесскаго полка . . . . 4 эскадрона,
10 Гусарскаго Ингерманландскаго полка 2 эскадрона,
и 1 взводъ Оренбургскихъ казаковъ-личный конвой.

Въ этотъ расчетъ не вошла 1-ая сотня Оренбургскаго казачьяго полка, которая по личной инициативѣ своего командира есаула Полозова появилась на полѣ боя и, занявъ единственную въ тылу противника переправу черезъ болотистую рѣчку, надо полагать, оказала вліяніе на благопріятный исходъ столкновенія.

Имѣлъ ли право Генералъ графъ Келлеръ при подобныхъ обстоятельствахъ рисковать дать бой значительно превосходящему по силамъ противнику?

Большинство научныхъ изслѣдователей отвѣтитъ на этотъ вопросъ отрицательно. Подавляющее большинство командировъ, попавъ въ положеніе подобное приведенному, предпочло бы уклониться отъ боя, хотя бы до подхода подкрѣпленій.

Но Генералъ графъ Келлеръ рѣшилъ иначе . . . и, пожалуй, имѣлъ на то свои основанія.

Основанія эти нужно искать въ психикѣ, опиравшейся на глубокое довѣріе вождя къ своимъ войскамъ и на неменѣе сильной вѣрѣ войскъ въ своего командира.

Необходимо сказать, что Генералъ графъ Келлеръ былъ суровымъ, иногда слишкомъ суровымъ начальникомъ и командиромъ, но въ то же время безпредѣльно внимательнымъ и сердечнымъ отцомъ своихъ подчиненныхъ. Не было, казалось, предѣла строгости Генерала графа Келлера, но въ то же время не было границъ его заботливости въ отношеніи ввѣренныхъ ему войскъ. Никто такъ сильно не преслѣдовалъ малѣйшія упущенія по службѣ, но никто не умѣлъ такъ просто, искренно и доброжелательно

подойти къ солдатской средѣ, понять ея нужды и желанія, какъ то всегда удавалось графу.

Подчиненные боялись, но были преданы ему, любили и преклонялись передъ могучей личностью, желѣзной волей и неутомимой энергіей своего Начальника. Войска трепетали, но обожали, беззавѣтно вѣрили своему командиру и такъ же беззавѣтно ввѣряли ему свою жизнь.

Генералъ графъ Келлеръ обладалъ присущей только выдающимся военачальникамъ способностью наэлектризовывать войска, воодушевлять и увлекать массу на самыя отчаянныя и опасныя предпріятія, на блестящіе подвиги и на тяжелыя жертвы . . .

Разумѣется, не случайно установилась эта живая связь между командиромъ и войсками. Генералъ графъ Келлеръ болѣе двухъ лѣтъ передъ войной былъ Начальникомъ 10-й кавалерійской дивизіи и это былъ періодъ упорнаго, непрестаннаго труда по боевой подготовкѣ частей и воспитанію личнаго состава. Генералъ графъ Келлеръ не только въ совершенствѣ зналъ всѣхъ своихъ офицеровъ, но и каждаго солдата и казака.

Въ нашъ вѣкъ увлеченія техникой и теоретическими формулами извѣстный афоризмъ Наполеона: „Побѣда на $^3/_4$ зависитъ отъ духа и на $^1/_4$ отъ матеріи“, иногда, казалось, готовъ былъ поблекнуть или принимался на вѣру безъ должнаго проникновенія въ смыслъ его, не выходя къ тому же за предѣлы военной школы. Привыкали смотрѣть на боевыя дѣйствія въ крупномъ или маломъ масштабѣ, какъ на механическое явленіе. Упускались изъ виду свойства души человѣческой; забывалось о томъ, что бой прежде всего есть человѣческая драма, въ которой психика достигаетъ величайшаго напряженія, гдѣ она могуче борется со сковывающими и регулирующими ее формами и формулами, разорвавъ которыя, духъ побѣждаетъ часто математически точные расчеты матеріи.

Въ день 8/21 августа психологическая связь Начальника и войска и могущество духа чувствовались особенно сильно отъ начала до конца.

Останавливаясь подробно на этомъ моментѣ, хотѣлось обратить вниманіе на то обстоятельство, безъ чего рѣшеніе графа Келлера атаковать немедленно 4 австрійскую кавалерійскую дивизію было бы освѣщено односторонне и могло бы показаться à priori неправильнымъ.

Другой моментъ проявленной Генераломъ графомъ Келлеромъ излишней горячности былъ около 11 часовъ утра, когда онъ со штабомъ выѣхалъ на вершину гребня южнаго ската лощины, у которой произошелъ бой.

Съ этого гребня онъ увидѣлъ въ $^1/_2$ километрѣ отъ себя готоваго къ бою противника.

Въ это время уже не могло быть опасеній, что противникъ уклонится отъ боя и долгожданная добыча уйдетъ. Ясно было, что австрійцы приняли вызовъ и ждутъ только подхода нашей дивизіи, чтобы дать бой на томъ мѣстѣ, которое они заранѣе избрали.

Это былъ послѣдній моментъ, когда Генералъ графъ Келлеръ еще могъ пересмотрѣть первоначальное рѣшеніе и, если не отказаться отъ него, то во всякомъ случаѣ принять мѣры къ тому, чтобы поставить наши части въ выгодное для боя положеніе, придать бою ту или иную форму, наконецъ разыграть его по возможности на болѣе выгодномъ для насъ мѣстѣ.

Но было ли это исполнено или, хотя бы, предусматривалось?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить двояко:

„Нѣтъ“ и „да“.

Нѣтъ, — во первыхъ потому, что штабъ дивизіи только съ гребня южнаго ската лощины впервые замѣтилъ готоваго къ бою противника; лишь вслѣдъ за симъ справа и слѣва

подскакали ординарцы, посланные отъ боевыхъ разъѣздовъ, съ докладомъ о томъ, что ими замѣчена на противоположномъ берегу лощины кавалерія, но силъ ея все еще не удавалось опредѣлить.

Надъ гребнемъ противоположнаго ската виднѣлась только узкая голубая полоса развернутаго строя, по протяженію фронта равная 6—8 эскадронамъ. Были ли за ней еще части, какой силы и какъ онѣ располагались оставалось невыясненнымъ вплоть до того момента, когда произошелъ уже „Choc“ и когда изъ за противоположнаго гребня показались идущія въ атаку вторая и третья австрійскія линіи.

Итакъ, свѣдѣнія о противникѣ до послѣдняго момента, когда еще возможно было, базируясь на нихъ, принимать тѣ или другія рѣшенія, были чрезвычайно скудны. Не было принято должныхъ мѣръ для болѣе полнаго освѣщенія обстановки; вѣрнѣе, событія развивались въ столь быстромъ темпѣ, до извѣстной степени зависившемъ отъ воли Начальника дивизіи, что развѣдывательные органы не имѣли времени для выполненія своей задачи и боевая развѣдка оказалась неполной. Боевыя рѣшенія были приняты почти исключительно на основаніи данныхъ личной развѣдки Начальника дивизіи, въ свою очередъ неполной.

Съ другой стороны, Начальникъ 4 австрійской кавалерійской дивизіи Генералъ Заремба, обнаруживъ заранѣе приближеніе русской конницы, также принялъ рѣшеніе дать бой и къ нему подготовился съ особенной тщательностью и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ предусмотрительностью.

Предварительнымъ введеніемъ въ бой бывшаго въ его распоряженіи батальона, онъ отвлекъ вниманіе противника, приковалъ къ д. Волчковце и чувствительно его ослабилъ; а можетъ быть онъ расчитывалъ связать всю 10 кавалерій-

скую дивизію боемъ съ пѣхотой и въ то же время нанести ей фланговый ударъ своей конницей, поставленной на заранѣе выбранномъ мѣстѣ.

Была ли эта идея заложена въ основаніе рѣшеній Генерала Заремба, принятыхъ имъ для боя 8/21 августа, или же онъ исходилъ изъ другихъ предположеній — неизвѣстно; во всякомъ случаѣ къ мѣсту боя онъ собралъ всю свою дивизію, расположивъ ее настолько укрыто, что только съ дистанціи въ полъ километра противникъ замѣтилъ ея головныя части. Свои полки онъ построилъ заблаговременно въ ту форму боевого порядка, какую онъ считалъ наиболѣе подходящей (?) для даннаго случая и, наконецъ, пустилъ ихъ въ атаку въ выгодный для себя моментъ. Даже пулеметы предусмотрительно были расположены внѣ лѣваго фланга боевого порядка для продольнаго обстрѣла атакующихъ русскихъ частей.

Съ точки зрѣнія всей совокупности обстановки, выборъ мѣста для боя былъ сдѣланъ Генераломъ Заремба неудачно, такъ какъ болотистая рѣчка въ ближайшемъ тылу и единственная переправа черезъ нее, неприкрытая расположеніемъ частей, не обезпечивали войска отъ тяжелыхъ послѣдствій въ случаѣ неудачи. Только отъ лѣваго фланга боевого порядка въ направленіи на сѣверъ и сѣверо-востокъ имѣлась возможность отступать широкимъ фронтомъ вдоль восточнаго берега Стрыпы, но и здѣсь движеніе сильно затруднялось болотистымъ оврагомъ, сливающимся съ долиною Стрыпы близъ рощи, у которой произошелъ бой.

Надо полагать, что въ этотъ же день 8/21 августа Генералъ Заремба понялъ свою ошибку и имѣлъ основанія упрекать себя въ неосторожности.

Подобное рѣшеніе Генерала Заремба можно объяснить лишь предположеніемъ, что онъ былъ хорошо освѣдомленъ о группировкѣ и силѣ наступающихъ противъ него русскихъ

(9 кав. дивизія продолжала еще оставаться въ раіонѣ Олеіова) и, имѣя значительный перевѣсъ надъ ними, былъ увѣренъ въ побѣдѣ (?); тогда же ни болота въ тылу, ни неприкрытая переправа на флангѣ не имѣли значенія.

Что касается свойства мѣста боя въ смыслѣ удобствъ для маневрированія и боевыхъ дѣйствій конницы, то они представляли значительныя выгоды австрійцамъ, но были весьма неблагопріятны для насъ.

Во первыхъ — вслѣдствіе расположенія австрійцевъ за командующимъ гребнемъ, наши полки могли увидѣть противника, котораго имъ предстояло атаковать, лишь тогда, когда они проходили черезъ гребень южнаго ската лощины, т. е. когда уже двигались широкимъ аллюромъ построивъ фронтъ и выйдя на одну линію; слѣдовательно, когда маневрированье было чрезвычайно стѣснено.

Необходимо отмѣтить, что въ данномъ случаѣ Генералъ графъ Келлеръ обнаружилъ большой глазомѣръ, направивъ драгунскій и уланскій полки, не видѣвшіе еще противника, такимъ образомъ что имъ не приходилось мѣнять направленія, но только двигаться по прямой линіи до момента „choc'a".

Во вторыхъ — идя въ атаку, наши части принуждены были спускаться въ лощину на глазахъ у противника по относительно крутому скату и снова подыматься на противоположный берегъ лощины, потерявъ непріятеля изъ виду передъ моментомъ столкновенія и утомивъ своихъ коней подъемомъ. Ударъ имъ пришлось наносить снизу — вверхъ.

Между тѣмъ австрійцы могли наблюдать за каждымъ движеніемъ русской конницы, выжидая ея подхода; въ атаку они двинулись на свѣжихъ коняхъ съ ближняго разстоянія и обрушились на нашу линію всей своей массой сверху — внизъ.

Въ общемъ, въ отношеніи выбора мѣста для боя вся инициатива была въ рукахъ австрійцевъ. Болѣе того, нами

не было принято никакихъ мѣръ чтобы устранить или уменьшить невыгодныя для насъ свойства мѣстности, выманивъ желающаго вступить въ бой противника на другое мѣсто или направивъ наши части такъ, чтобы имъ не приходилось переходить лощину въ непосредственной близости отъ непріятеля и принимать „choc“ при подъемѣ, когда естественно терялась инерція массы и живая сила удара.

И то и другое могло быть достигнуто соотвѣтствующимъ маневрированіемъ. Но для маневра нужна была выдержка и время. Начальникъ же дивизіи пустилъ части въ атаку, какъ только замѣтилъ передъ собой готовыхъ къ бою австрійцевъ.

Маневрированіе въ бою.

Если въ подготовительный къ конному бою періодъ съ нашей стороны не было принято необходимыхъ мѣръ, что бы поставить части въ выгодныя для атаки условія и тѣмъ подготовить успѣхъ, а наоборотъ замѣчалась излишняя горячность Начальника дивизіи, то, съ другой стороны, во время самаго боя Генералъ графъ Келлеръ проявилъ удивительное присутствіе духа, ясность мысли, быстроту рѣшеній и отличный глазомѣръ. Въ бою 8/21 августа съ особой яркостью обрисовались дарованія этого истиннаго кавалерійскаго начальника.

Не имѣя точныхъ свѣдѣній о группировкѣ и силахъ австрійцевъ и ожидая возможныхъ неожиданностей со стороны влѣво расположенной рощи, у которой стояла непріятельская артиллерія, Начальникъ дивизіи прибѣгъ къ маневру — какъ для парированія могущихъ произойти случайностей, такъ и для нанесенія противнику флангового удара. Идущему уже въ атаку 10-му Гусарскому полку Генералъ графъ Келлеръ отдалъ приказаніе: „Держаться на уступѣ!“ . . . и . . . „Атаковать во флангъ!“

Это приказаніе превосходно. Послѣдствія его были блестящи. Этимъ маневромъ былъ сметенъ правый флангъ идущей въ атаку третьей австрійской линіи, ударъ которой, разумѣется, былъ бы для насъ катастрофическимъ; въ то же время въ руки гусаръ попали двѣ австрійскія батареи и, надо полагать, не безъ ихъ вліянія два непріятельскихъ эскадрона, стоявшіе у опушки рощи, бѣжали съ поля сраженія, не принявъ никакого участія въ бою.

Не менѣе блестящимъ надо признать рѣшеніе Генерала графа Келлера бросить въ атаку свой штабъ, ординарцевъ и конвой во флангъ прорвавшемуся въ нашъ тылъ противнику.

Надо знать, видѣть собственными глазами и прочувствовать всю трагичность обстановки, чтобы понять то величіе духа и остроту глазомѣра, какіе проявилъ въ тѣ критическія минуты боя Генералъ графъ Келлеръ. Критическія — не только въ отношеніи возможности полнаго проигрыша сраженія, но и въ смыслѣ личной для него опасности.

Конечно, Генералъ графъ Келлеръ, выигравшій бой у д. Ярославице, лично водившій черезъ нѣсколько дней послѣ этого у д. Ніедзелиски свои полки въ атаку на пѣхоту и австрійскія батареи до удара холоднымъ оружіемъ, во весь свой ростъ шедшій впереди цѣпей 56-го пѣхотнаго Житомирскаго полка по открытой и ровной какъ столъ мѣстности и тѣмъ увлекшій залегшія и немогущія подняться цѣпи на штурмъ Стараго Сандеца (Юго-восточнѣе Кракова), много разъ окруженный противникомъ, всегда и во всѣхъ бояхъ находившійся со своими частями и часто впереди ихъ, дважды раненый за эту войну, Генералъ графъ Келлеръ менѣе всего думалъ о своей безопасности.

8/21 августа былъ первый рѣшительный бой — первый поединокъ. Вопросъ шелъ о чести русской конницы, о чести русской арміи, о славѣ имени русскаго! Только сильные

порывы могутъ вызывать сильные поступки. Только такой могучій мотивъ могъ рождать такой же силы рѣшенія въ тотъ моментъ, когда катастрофа была болѣе чѣмъ очевидной.

Приведенный выше случай есть второй примѣръ маневрированія частями въ бою и кромѣ того яркій образецъ управленія коннымъ боемъ.

Наконецъ третій примѣръ маневрированія, но уже въ болѣе широкихъ границахъ, — почти за предѣлами поля боя, являютъ блестящія дѣйствія 1-й сотни Оренбургскаго казачьяго полка, занявшей переправу на пути отступленія противника и нависшей на флангѣ его боевого расположенія.

Боевой порядокъ и строи русскихъ.

По сигналу „Походъ" и приказаніямъ отданнымъ Начальникомъ дивизіи съ гребня южнаго берега лощины полки построили фронтъ и вышли на одну линію, кромѣ гусарскаго полка, который былъ поставленъ на уступѣ слѣва. Въ такомъ порядкѣ 10 кавалерійская дивизія атаковала противника.

За первой атакующей линіей Драгунскаго и Уланскаго полковъ не оставалось ни послѣдующихъ линій, ни резерва. Уступъ гусарскаго полка могъ лишь отчасти играть роль резерва и то только до сближенія съ противникомъ, т. е. до того момента, когда онъ вышелъ изъ за фланга боевого порядка и какъ бы получилъ свой боевой участокъ.

Въ общемъ, боевой порядокъ 10-й кавалерійской дивизіи былъ по формѣ однолинейнымъ. Подобное построеніе, какъ показали событія, являлось чрезвычайно опаснымъ. Если бы не атака штаба дивизіи, ординарцевъ и конвоя, сыгравшихъ въ данномъ случаѣ роль резерва, то результатъ боя былъ бы по всей вѣроятности обратнымъ, не взирая на успѣшныя дѣйствія гусаръ.

Въ томъ моментъ, когда вертящаяся на одномъ мѣстѣ живая масса, состоявшая изъ борющихся въ общей схваткѣ 14—16 эскадроновъ отъ прилива живой силы со стороны австрійцевъ потеряла устойчивость, разорвалась и уже безпорядочно текла на югъ, въ этотъ моментъ ясно до боли сознавалась необходимость имѣть въ той или иной формѣ вторую линію, которая бы приняла на себя прорвавшагося противника, задержала бы бѣгущихъ и вернула устойчивость всей массѣ.

Съ неменьшей очевидностью чувствовалась во время этого боя и блестяще подтвердилась необходимость имѣть резервъ, дабы до послѣдней минуты развитія боя не упускать изъ рукъ управленія имъ.

Ни въ этотъ день и никогда позже Генералъ графъ Келлеръ не высказывался по вопросу о боевомъ построеніи 10-й кавалерійской дивизіи для конной атаки у д. Ярославице, почему невозможно съ полной опредѣленностью указать причины, заставившія его отказаться отъ образованія второй линіи или хотя бы отъ выдѣленія соотвѣтствующаго резерва.

Было ли это сдѣлано умышленно или же это была ошибка?

На это возможно отвѣтить такъ:

Начальникъ дивизіи, принимая рѣшеніе атаковать 4 австрійскую кавалерійскую дивизію, видѣлъ чрезмѣрную разброску своихъ силъ, но обстановка развивалась съ такой быстротой, что принять мѣры для сбора частей къ полю коннаго боя уже было невозможно. Съ гребня южнаго ската лощины онъ замѣтилъ передъ собой не менѣе одного полка противника въ развернутомъ строю; не желая ослаблять и укорачивать свою атакующую линію, но стремясь придать удару максимальную силу, онъ развернулъ драгунскій и уланскій полки въ одну линію, что давало 8 эскадроновъ, ослабленныхъ выдѣленіемъ изъ ихъ состава органовъ развѣдки.

На охватъ фланговъ непріятельской линіи этими полками нельзя было расчитывать, такъ какъ обѣ линіи были почти одинаковаго протяженія.

Вѣроятно, тѣ же причины заставили Генерала графа Келлера отказаться отъ выдѣленія, изъ состава назначенныхъ для удара частей, резерва.

Вполнѣ возможно, что въ критическую минуту боя онъ воспользовался своимъ штабомъ, конвоемъ и ординарцами, какъ резервомъ, не случайно и даже не подъ давленіемъ момента, но что эта мысль у него появилась ранѣе, выходя изъ сознанія слабости атакующихъ частей и изъ того соображенія, что штабъ, конвой и ординарцы взятые вмѣстѣ давали силу не менѣе $^1/_2$ эскадрона. Слѣдовательно у Начальника дивизіи во время боя до момента его кризиса имѣлся фактически резервъ.

Этотъ резервъ, правда весьма небольшой, позволилъ ему удержать въ своихъ рукахъ управленіе боемъ, тѣмъ болѣе что, находясь здѣсь же въ сферѣ вліянія „choc'a", Генералъ графъ Келлеръ могъ не только лично слѣдить за развитіемъ событій, но непосредственно ихъ чувствовать, принимать рѣшенія и приводить ихъ въ исполненіе также стремительно, съ какою быстротою появлялись новыя данныя обстановки, требовавшія и новыхъ рѣшеній.

Боевыя построенія частей 10-й кавалерійской дивизіи были гибки и поворотливы, эволюціи исполнялись быстро и легко.

Напримѣръ: 10-й Гусарскій полкъ остался въ началѣ боя на уступѣ, потомъ выдвинулся изъ за фланга, въ непосредственной близости отъ противника и на широкомъ аллюрѣ произвелъ перемѣну фронта почти подъ прямымъ угломъ; вслѣдъ за тѣмъ, его лѣвофланговый эскадронъ, замѣтивъ на опушкѣ рощи непріятельскія батареи, снова перемѣнилъ фронтъ на 45—90 градусовъ и въ то же время отъ раз-

вернутаго сомкнутаго строя переходитъ къ лавѣ; но, убѣдившись что въ конномъ строю невозможно овладѣть орудіями и опушкой рощи, спѣшивается и въ пѣшемъ строю выполняетъ эту задачу.

Всѣ перечисленныя эволюціи производятся эскадрономъ положительно въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, повторяемъ, въ непосредственной близости конныхъ частей противника и ведущихъ огонь его батарей.

10-й Драгунскій и 10-й Уланскій полки, двинутые для фронтальной атаки, встрѣтили на пути своего движенія при спускѣ въ лощину поперечную глубокую канаву, отдѣлявшую пшеничную пашню отъ картофельнаго поля; нѣкоторыя лошади закинулись и шарахнулись въ сторону, не пожелавъ взять неожиданно встрѣченное ими препятствіе; въ это же самое время съ праваго фланга изъ за стоговъ пшеницы открыли огонь по драгунамъ непріятельскіе пулеметы. Все это разстроило до нѣкоторой степени сомкнутыя стройныя линіи драгунъ и уланъ, но въ тотъ же мигъ эти полки снова сомкнулись и сплошной стѣной ударились о катившуюся на нихъ съ горы еще болѣе сомкнутую и стройную линію австрійцевъ.

Боевой порядокъ и строи австрійцевъ.

Насколько въ дѣйствіяхъ 10-й кавалерійской дивизіи и ея Начальника замѣчалось стремленіе во время коннаго боя прибѣгать къ маневрированію и занятію широкаго фронта, а боевыя построенія были свободны и гибки, настолько въ дѣйствіяхъ австрійцевъ замѣчалась полная противоположность.

Другими словами, въ дѣйствіяхъ 10-й кавалерійской дивизіи проявлялись признаки новыхъ теченій въ тактикѣ конницы, особенно вліяніе, введенной незадолго передъ

войной въ уставъ регулярной кавалеріи, казачьей лавы. Пріемы же австрійцевъ отличались скованностью уставныхъ формъ, регулярностью и, по существу, линейностью.

4 австрійская кавалерійская дивизія была построена въ предвидѣніи атаки въ 3 линіи: первая линія, насколько можно было оцѣнить на глазъ, состояла изъ 6—8 эскадроновъ, построившихъ фронтъ (вѣрнѣе всего 6 эскадроновъ — 13-й Уланскій полкъ); вторая линія имѣла 6 эскадроновъ (15 Драгунскій полкъ) и третья линія 4 эскадрона; причемъ обѣ послѣднія линіи были построены въ линіи взводныхъ колоннъ. Кромѣ того было замѣчено еще два-три эскадрона въ резервѣ Начальника дивизіи или въ прикрытіи къ артиллеріи, но въ послѣднемъ случаѣ совершенно непонятно расположеніе этихъ эскадроновъ со стороны внутренняго фланга батарей.

Въ общемъ, боевой порядокъ австрійцевъ имѣлъ уставную форму „ящика“, безъ малѣйшаго намека на какой либо маневръ.

За первой линіей, пущенной въ атаку, повидимому, чисто автоматически слѣдовали вторая и третья линіи.

Ни въ этотъ моментъ, ни позднѣе — во время развитія боя нельзя было замѣтить никакого маневрированія, какой либо самодѣятельности частей или хотя бы попытки такъ или иначе парировать наши маневры; — части шли только прямо передъ собой.

Но въ то же время, обращаетъ вниманіе удивительная сомкнутость строевъ, безукоризненность равненія и правильность движеній. Даже атакованныя во флангъ и принужденныя уходить съ поля боя австрійскія части стройно, какъ бы по командѣ или по знакамъ, совершали заѣзды и перемѣны фронта.

Создавалось впечатлѣніе „парада“, но не дѣйствительнаго боя. У Ярославице сказывались хорошія и дурныя привычки мирнаго времени.

Какъ упоминалось выше, вторая и третья австрійскія линіи шли въ атаку каждая въ линіи взводныхъ колоннъ.

Невозможно точно установить, построили ли фронтъ вступавшіе въ схватку эскадроны? Если это такъ, то построеніе фронта произошло у самой границы свалки, въ моментъ влитія въ нее, когда глазъ не могъ уже уловить этой эволюціи.

Но вполнѣ вѣроятно, что вслѣдствіе слишкомъ быстраго развитія боя и короткихъ дистанцій или по какимъ либо другимъ причинамъ, вторая и третья линіи не успѣли развернуться и врѣзались въ живую кипящую массу въ той же линіи взводныхъ колоннъ, въ какой были построены передъ боемъ, какъ кулаками ударили по ней и заставили ее подаваться къ югу.

Вполнѣ опредѣленно можно утверждать, что эскадронъ, прорвавшійся въ тылъ нашего расположенія, шелъ все время во взводной колоннѣ и только подъ вліяніемъ нашей фланговой атаки построилъ фронтъ налѣво и сталъ поспѣшно уходить съ поля боя, увлекая за собой сосѣднія разстроенныя схваткой части.

Во время кавалерійскаго столкновенія ни въ чемъ нельзя было замѣтить у австрійцевъ признаковъ управленія боемъ. Генералъ Заремба, всесторонне использовавшій подготовительный къ бою періодъ, въ теченіе самаго боя, видимо, оставался пассивнымъ; его роль, какъ кажется, свелась лишь къ опредѣленію момента для начала конной атаки, въ дальнѣйшемъ же онъ только наблюдалъ за механическими движеніями своихъ частей вплоть до того времени, когда превратность судьбы заставила его поспѣшно ускакать съ поля сраженія.

„Choc.“

„Choc“ произошелъ отъ встрѣчи двигающихся карьеромъ другъ противъ друга двухъ параллельныхъ живыхъ массъ, построенныхъ въ развернутые сомкнутые строи.

Лишь съ русской стороны аллюръ былъ нѣсколько медленнѣе, вслѣдствіе подъема въ гору.

Всего столкнулось въ главной схваткѣ въ первый моментъ 14—16 эскадроновъ, образовавшихъ сплошную клокочущую массу, въ которую вслѣдъ за тѣмъ влилось еще 6 эскадроновъ второй австрійской линіи, т. е. въ choc'ѣ слилось около 2500 всадниковъ.

Въ этотъ расчетъ не вошли 10-й гусарскій полкъ и атакованные имъ эскадроны третьей австрійской линіи, а также остальные эскадроны той же линіи, принявшіе участіе въ бою не въ полномъ составѣ.

Надо полагать, что общее число всадниковъ участвовавшихъ въ кавалерійской схваткѣ, превосходило 3000.

Значеніе „choc'a“ въ первое мгновеніе сводилось къ нанесенію сильнаго механическаго удара.

Наиболѣе чувствительно, разумѣется, его испытали первыя шеренги, принявшія на себя главное дѣйствіе „choc'a“ и одновременно съ тѣмъ сжатыя наскочившими и вдавившимися въ нихъ вторыми шеренгами. Кромѣ того, первая австрійская линія сильно пострадала отъ дѣйствія нашихъ пикъ.

Вслѣдъ за первымъ ударомъ и даже одновременно съ нимъ началась работа холоднымъ оружіемъ — пиками и шашками, которыми были вооружены русскіе полки и палашами, бывшими на вооруженіи австрійскихъ частей.

Стройныя до того времени линіи постепенно разстраивались и смѣшивались въ общую массу скачущихъ въ разныя стороны и вертящихся на одномъ мѣстѣ всадниковъ и группъ ихъ, собиравшихся возлѣ своихъ офицеровъ и слѣдовавшихъ за ними.

Въ начавшемся одиночномъ бою ярко проявилось вліяніе системы подготовки бойцовъ.

Русскіе всадники маневрировали въ общей свалкѣ,

наскакивая то на того, то на другого противника; врѣзывались въ кучи австрійцевъ и опять устремлялись въ новомъ направленіи, дѣйствуя то пикой — то шашкой попеременно и въ разныхъ направленіяхъ, ловко управляя при этомъ лошадью.

Австрійцы же, какъ это отмѣчалось уже въ дѣйствіяхъ ихъ частей, неслись большею частью впередъ въ направленіи первоначальнаго движенія, какъ бы повинуясь инерціи, сбивая и коля встрѣчающагося на пути противника, но въ то же время пропуская проносившихся вправо и влѣво отъ нихъ русскихъ всадниковъ.* Эта особенность австрійскихъ бойцовъ была подмѣчена нашими солдатами, которые ловко подскакивали съ боку и наносили имъ смертельные удары безъ большого риска оказаться проколотымъ непріятельскимъ палашомъ.

Такимъ образомъ, въ дѣйствіяхъ русскихъ проглядывала тщательность подготовки одиночнаго бойца, чему Генералъ графъ Келлеръ еще въ мирное время придавалъ первенствующее значеніе и, можно сказать, что его упорный трудъ по подготовкѣ своей дивизіи къ бою не пропалъ даромъ, но далъ богатые всходы на поляхъ у д. Ярославице.

Въ подготовкѣ же австрійской конницы снова проглядывала линейность.

Въ отношеніи употребленія *холоднаго оружія* можно отмѣтить слѣдующее:

Наши удары шашкой большею частью приходились въ голову или въ область плечъ. Нѣкоторые изъ нихъ были настолько сильны, что голова распадалась на двѣ половины, какъ разрѣзанный пополамъ арбузъ, причемъ, идя дальше, шашка глубоко впивалась въ туловище жертвы.

* Этой особенности австрійскаго бойца — авторъ обязанъ своей жизнью.

Австрійская конница выступила въ походъ въ парадныхъ мундирахъ, въ металическихъ шлемахъ и каскахъ. Эти головные уборы, крайне непрактичные въ походѣ, оказались полезными въ бою и спасли австрійцамъ много жизней. Шашка, попадая по металу каски или шлема по нормали, иногда просѣкала ихъ и ослабленный ударъ ея достигалъ цѣли; но иногда шашка скользила по желѣзу и тогда въ однихъ случаяхъ ударъ пропадалъ, въ другихъ же случаяхъ лезвіе впивалось въ плечо или въ шею врага.

Пика была введена на вооруженіе регулярной русской конницы незадолго передъ войной, имѣя много сторонниковъ и столько же противниковъ ея. Солдаты ее не любили изъ за неудобства обращенія съ нею въ походѣ.

Но съ первыхъ же дней объявленія войны и начавшихся стычекъ съ разъѣздами противника авторитетъ пики и симпатіи къ ней рѣзко возросли. Теперь въ раввѣдку и въ походъ брали пику не только тѣ, кому полагалось, но даже унтеръ-офицеры и офицеры.

Въ конномъ бою 8/21 августа пика сыграла свою славную роль, вполнѣ оправдавъ установившееся къ ней довѣріе. Многіе офицеры, наиболѣе сильные и ловкіе, шли въ атаку 8/21 августа съ пиками въ рукахъ. Все это является наиболѣе вѣрнымъ показателемъ полезности ея для кавалерійскихъ дѣйствій.

Въ бою 8/21 августа пикой работали не только всадники въ конномъ строю, но и спѣшившіея люди; съ пиками въ рукахъ бросились на штурмъ д. Волчковце Оренбургскіе казаки, съ пиками же шли въ атаку на непріятельскія батареи спѣшившіеся гусары.*

* Особенно характернымъ примѣромъ дѣйствія спѣшенной конницы пиками является штурмъ сильно укрѣпленной позиціи 42 пѣхотной австрійской дивизіи у дер. Баламутовки и Ржавенцы (сѣверо-восточнѣе

Уколы пикъ были ужасны, особенно когда пика попадала въ скачущаго навстрѣчу противника; она вонзалась въ него и выходила съ обратной стороны туловища, производя широкія рваныя раны.

Наиболѣе неблагопріятнымъ случаемъ для дѣйствія пикой являлось пораженіе ею въ спину убѣгавшаго непріятеля; уколъ пики часто былъ при этомъ слабъ, а иногда остріе ея запутывалось въ развивающемся ментикѣ и счастливый австріецъ успѣвалъ уйти или въ худшемъ случаѣ вываливался изъ сѣдла отъ полученнаго удара.

Дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Во время конной схватки велась непрерывная безпорядочная стрѣльба изъ револьверовъ. Стрѣляли большею частью австрійскіе офицеры; но стрѣляли и наши офицеры, когда плечо уставало рубить или шашка вываливалась изъ рукъ, или, наконецъ, когда являлось опасеніе, что противникъ, сидящій на свѣжемъ конѣ, не позволитъ подойти на дистанцію удара холоднымъ оружіемъ.

Въ тотъ моментъ, когда наши полки, идя въ атаку, стали спускаться въ лощину, непріятельскіе пулеметы открыли фланговый огонь по нашей линіи. Вслѣдъ за тѣмъ затрещали и наши пулеметы, ставшіе на гребень южнаго

Черновицъ) весной 1915 года полками 1-й Донской казачьей дивизіи, входившей въ составъ III. коннаго корпуса: прорубивъ шашками проволочныя загражденія противника, казаки съ пиками въ рукахъ внезапно ворвались въ непріятельскіе окопы, которые были настолько глубоки, что австрійцы могли отступать только по ходамъ сообщенія, устья которыхъ были уже заняты казаками. Отрѣзанные отъ ходовъ сообщенія они попрятались въ глубокія убѣжища или метались по окопамъ; казаки же, стоя на брустверахъ окоповъ, пиками, какъ лягушекъ, кололи обезумѣвшихъ австрійцевъ.

ската лощины внѣ праваго фланга драгунъ (половина пулеметной команды была придана Оренбургскому казачьему полку для содѣйствія атакѣ д. Волчковце).

Пулеметная стрѣльба велась съ перерывами въ теченіе всего періода схватки, но рѣшительнаго вліянія ея на ходъ событій замѣтить не удалось. Это можно объяснить тѣмъ, что стрѣльба велась по внезапно появляющимся и исчезающимъ въ мертвыхъ пространствахъ лощины цѣлямъ. Кромѣ того въ моментъ столкновенія противники смѣшались и, чтобы не поражать своихъ, приходилось прекращать огонь по противнику.

Слѣдуетъ отмѣтить удачный обстрѣлъ нашими пулеметами лѣвофланговыхъ эскадроновъ третьей австрійской линіи; эти эскадроны, попавъ подъ пулеметный огонь, разстроились и не могли повидимому въ силу этого полностью принять участія въ схваткѣ.

Дѣйствія нашей и австрійской *конной артиллеріи* во время коннаго боя 8/21 августа не имѣли рѣшающаго вліянія ни на развитіе ни на результаты столкновенія.

Наши батареи при завязкѣ боя содѣйствовали атакѣ Оренбургскаго казачьяго полка на д. Волчковце, выѣхавъ на открытую позицію на гребнѣ въ 2—2½ километрахъ восточнѣе этой деревни.

Направившись въ сторону рощи, откуда вела огонь артиллерія противника, Генералъ графъ Келлеръ приказалъ 3-му Донскому артиллерійскому дивизіону по-частямъ сниматься съ позиціи и слѣдовать за нимъ съ цѣлью содѣйствовать боевымъ операціямъ главныхъ силъ дивизіи.

Когда непріятельская артиллерія нащупывала походную колонну нашей дивизіи и готова была засыпать ее снарядами, 3-й Донской артиллерійскій дивизіонъ немедленно же переносилъ огонь на австрійскія батареи и заставлялъ ихъ прекращать стрѣльбу. Въ этомъ, главнымъ обра-

зомъ, заключалась роль нашей артиллеріи во время коннаго боя. Мнѣ пришлось видѣть на полѣ боя разбитые непріятельскіе передки и перебитыя шрапнелью артиллерійскія запряжки, что свидѣтельствовало о весьма мѣткой стрѣльбѣ нашихъ батарей. Но принять непосредственное участіе въ конномъ бою обстрѣливаніемъ атакующихъ частей противника, 3-му Донскому артиллерійскому дивизіону не удалось, такъ какъ онъ подошелъ къ мѣсту боя слишкомъ поздно и ему оставалось только преслѣдовать бѣгущихъ своимъ огнемъ.

Казалось, что въ бою 8/21 августа при создавшейся обстановкѣ выгоднѣе было бы раздѣлить артиллерійскій дивизіонъ, поставивъ одной батареѣ задачу поддерживать атаку Оренбургскаго полка, а другую батарею держать при главныхъ силахъ дивизіи.

При оцѣнкѣ дѣйствій нашей артиллеріи необходимо имѣть въ виду чрезвычайное утомленіе ея конскаго состава. Наша слишкомъ тяжелая, такъ называемая, конная пушка оказалась мало пригодной для маневрированія безъ дорогъ. Между тѣмъ начиная отъ вершины „Острый Гарбъ“ батареи шли почти все время безъ дорогъ усиленнымъ аллюромъ, вслѣдствіе чего артиллерійскія лошади ко времени коннаго боя были совершенно измотаны и не могли быстро совершать маневровъ.

Австрійская артиллерія стояла на маскированной позиціи правѣе боевого порядка своей дивизіи и въ непосредственной близости отъ него. Ея расположеніе нельзя признать удачнымъ, такъ какъ обстрѣлъ влѣво — въ направленіи подхода нашей дивизіи былъ стѣсненъ своими же частями, особенно когда онѣ двинулись въ атаку. Но зато весьма удачнымъ было расположеніе непріятельской артиллеріи въ отношеніи обстрѣла нашихъ частей наступавшихъ на Волчковце.

Долгое время австрійскія батареи вели огонь по Оренбургскому казачьему полку и нашимъ батареямъ, увлекаясь артиллерійскимъ поединкомъ и позволивъ главнымъ силамъ 10-й кавалерійской дивизіи подойти на близкое разстояніе безнаказанно. Правда, интенсивнымъ обстрѣломъ 3-го Донского артиллерійскаго дивизіона австрійскія батареи въ значительной степени затянули его переѣздъ на новыя позиціи, что, какъ упомянуто выше помѣшало непосредственному его участію въ конномъ бою.

Когда 10 кавалерійская дивизія начала выстраивать фронтъ, противникъ спѣшно перенесъ на нее огонь, — но было поздно: полки усилили аллюръ, пошли въ атаку и смѣшались съ австрійцами въ общей схваткѣ.

Преслѣдованіе.

Какъ только австрійцы дрогнули, началось ихъ преслѣдованіе. Нѣкоторыя части гнались за убѣгавшимъ противникомъ по собственной инициативѣ, другія — были посланы приказаніями Начальника дивизіи.

Но, какъ мы видѣли, преслѣдованіе велось накороткѣ и только до береговъ Стрыпы, т. е. не болѣе 1—2 километровъ. Такое преслѣдованіе не могло датъ тѣхъ результатовъ, какіе можно было ожидать въ обстановкѣ подобной бою 8/21 августа.

Главная причина отсутствія глубокаго преслѣдованія заключалась въ крайнемъ утомленіи конскаго состава дивизіи. Личный составъ былъ также утомленъ, но опьяненный побѣдой готовъ былъ на новые подвиги. Бѣдныя же животныя, прошедшія въ этотъ день до мѣста боя около 20—25 километровъ, утомленныя движеніемъ безъ дорогъ, наконецъ, выдержавшія и пережившія ужасы коннаго боя, были положительно измотаны и едва двигались. Никто уже

не былъ въ силахъ послать ихъ впередъ; нужна была передышка здѣсь же на полѣ боя и отдыхъ на ночлегѣ.

Для веденія преслѣдованія потребны были свѣжія силы.

Противникъ уходилъ въ безпорядкѣ, но почти безнаказанно. Въ эти минуты вся дивизія, какъ одинъ человѣкъ, пожалѣла объ отсутствіи резерва.

*

Побѣда у дер. Ярославице имѣла существенное значеніе для послѣдующихъ дѣйствій нашей конницы.

Непріятельская завѣса на фронтѣ въ 30—40 километровъ была прорвана. Разбитая 4 австрійская кавалерійская дивизія спѣшно оттягивалась на пополненіе черезъ Біеликамень—Глиняны — во Львовъ; 8 кав. дивизія, не принявъ участія въ боевыхъ дѣйствіяхъ 8/21 августа и такимъ образомъ напрасно исполнившая маневръ отъ Тарнополя въ раіонъ Олеіова стала отходить на Бржезаны—Рогатинъ; 11 пѣх. дивизія въ то же время отошла черезъ Поморжаны—Дунаіовъ — за Гнилую Липу.

Въ образовавшійся прорывъ прошла 10 кавалерійская дивизія и въ два перехода достигла Гнилой Липы, гдѣ установила соприкосновеніе съ главными силами австрійской арміи.

Бой 10-й кавалерійской дивизіи 8/21 августа 1914 года представляетъ рѣдчайшее явленіе въ событіяхъ Великой Европейской войны, являя собой типичный образецъ кавалерійскаго боя со всѣми фазами его развитія, исключительный какъ по количеству участвовавшихъ въ схваткѣ всадниковъ, такъ и по наличію въ немъ чисто кавалерійскаго „choc'a“.

Можно съ извѣстной опредѣленностью сказать, что Великая война 1914—1918 годовъ ни на востокѣ, ни на западѣ, ни на южныхъ фронтахъ не знаетъ примѣра подобнаго конному бою 10-й русской и 4 австрійской кавалерійскихъ дивизіи 8/21 августа 1914 года.

Еще передъ войной вопросъ о кавалерійскихъ схваткахъ вызывалъ оживленные дебаты въ военныхъ кругахъ. Имѣлись авторитетныя указанія на то, что при современномъ развитіи средствъ защиты и пораженія конные бои и кавалерійскій „choc" невозможны и что кавалерія пріобрѣтаетъ характеръ ѣздящей пѣхоты.

Въ узкія рамки описанія коннаго боя 8/21 августа 1914 года у дер. Ярославице не входитъ рѣшеніе этого важнаго вопроса, но, тѣмъ не менѣе, мы — участники упомянутаго выше боя имѣемъ полное право утверждать, что въ условіяхъ современной войны *есть мѣсто для кавалерійскихъ схватокъ* и что въ наши дни *существуетъ кавалерійскій „choc"* — ихъ высшее проявленіе.

Утверждая это, все же необходимо отмѣтить снова исключительность этого явленія во время послѣдней Европейской войны.

Въ теченіе этой войны мнѣ пришлось участвовать подъ непосредственнымъ начальствомъ выдающагося русскаго кавалерійскаго вождя Генерала графа Ф. А. Келлера во всѣхъ бояхъ 10-й кавалерійской дивизіи, потомъ III-го коннаго корпуса, составъ котораго одно время достигалъ восьми кавалерійскихъ дивизій. Приходилось видѣть конныя атаки русской кавалеріи на непріятельскую пѣхоту, батареи, пулеметы и даже на укрѣпленныя позиціи.

Съ другой стороны извѣстны случаи блестящихъ конныхъ атакъ венгерскихъ гусаръ близъ Сатанова и Гродека и германской кавалеріи у Калиша и др. Но „Choc'a" въ томъ объемѣ какъ это наблюдалось у д. Ярославице, все же не было.

Причины этому разнообразны. Упомянемъ вкратцѣ нѣкоторыя изъ нихъ:

Развитіе формъ и мощи средствъ защиты и пораженія, а въ первую очередь огнестрѣльнаго оружія, вызвало

необходимость прибѣгать къ разсредоточеннымъ и скрытымъ расположеніямъ и построеніямъ боевыхъ единицъ, а это стало въ противорѣчіе съ идеей крайней концентраціи конной массы для удара холоднымъ оружіемъ. Это же сдѣлало конныя атаки средствомъ весьма рискованнымъ, тонкимъ, деликатнымъ.

Идущее параллельно съ прогрессомъ культуры и техники повышеніе требованій въ отношеніи подготовки войскъ и замѣчающееся въ то же время пониженіе личной доблести бойцовъ, покрайней мѣрѣ насколько идетъ вопросъ о боевой массѣ, еще болѣе усложнило положеніе.

Эти рѣзко обострившіяся противорѣчія, заставляли кавалерійскихъ начальниковъ часто избѣгать конныхъ схватокъ, рѣшительныхъ по послѣдствіямъ, быстротечныхъ, требующихъ высокаго моральнаго напряженія и отличной подготовки войскъ, тѣмъ болѣе, что всегда имѣется возможность укрыться подъ защиту огнестрѣльнаго оружія, разыграть огневой бой — менѣе рискованный, длительный, легче управляемый.

Нельзя не отмѣтить и того, что если въ былое время исторія конницы слагалась изъ исторіи ея начальниковъ, то въ современныхъ условіяхъ войны необходимость кавалерійскому начальнику обладать исключительными личными дарованіями и даже военнымъ талантомъ сдѣлалась абсолютной. Таланты же рождаются рѣдко.

Съ другой стороны, въ началѣ Великой войны послѣ первыхъ боевыхъ столкновеній обнаружился перевѣсъ въ качествахъ и боевой подготовкѣ русской конницы надъ кавалеріей противника. Ни германцы, ни тѣмъ болѣе австрійцы, не осмѣливались вступать въ единоборство съ нами, уклонялись отъ массовыхъ конныхъ схватокъ и въ большинствѣ случаевъ переходили къ пѣшему бою. Это замѣчаніе справедливо въ примѣненіи къ тому, что приходилось автору

лично наблюдать въ теченіе 1914—1917 годовъ на поляхъ Галиціи и на равнинахъ Румыніи, но по нѣкоторымъ даннымъ можно полагать, что оно остается справедливымъ и въ отношеніи другихъ русскихъ фронтовъ.

Кромѣ того, уже весной 1915 года ощутился крайній недостатокъ конскаго состава въ непріятельскихъ арміяхъ; составъ кавалерійскихъ дивизій былъ уменьшенъ частичнымъ спѣшиваніемъ и даже полнымъ обращеніемъ ихъ въ пѣшія части.

Это обстоятельство еще болѣе заставляло нашихъ противниковъ беречь свою конницу, освобождая ее отъ исполненія собственно кавалерійскихъ боевыхъ задачъ.

Наконецъ и позиціонный характеръ послѣдней Европейской войны сузилъ рамки примѣненія конныхъ массъ по ихъ прямому назначенію, не говоря уже о томъ, что какъ съ одной такъ и съ другой стороны въ кругахъ высшаго командованія обнаруживалось иногда положительное неумѣнье правильно использовать бывшую въ ихъ распоряженіи конницу.

Уже изъ вышесказаннаго видно, что вѣроятность встрѣчъ кавалерійскихъ массъ во время Европейской войны, а слѣдовательно и возможность массовыхъ кавалерійскихъ столкновеній была весьма проблематична.

Однако, мы склонны думать, что боевая роль конницы, какъ таковой, далеко еще не окончена и что въ будущихъ войнахъ кавалерія, снабженная средствами по послѣднему слову техники, *въ массахъ болѣе значительныхъ* чѣмъ это было въ прошлую войну, будетъ призываема для дѣйствій широкаго масштаба и что слѣдовательно тамъ гдѣ будутъ кавалерійскіе начальники съ пылкой душою и доблестью Генерала графа Келлера или со смѣлымъ порывомъ Генерала Зарембы *кавалерійскія схватки и сhoc* будутъ имѣть мѣсто.

Основанія для подобныхъ заключеній мы черпаемъ изъ опыта той же Великой Европейской войны и изъ послѣдовавшихъ за ней міровыхъ событій.

Дѣйствительно, русская армія выступила въ походъ въ 1914 году, имѣя высшимъ соединеніемъ конницы кавалерійскую (казачью) дивизію. Но уже къ осени этого года ясно обнаружилось, что, въ условіяхъ современной войны и особенно вслѣдствіе настоящаго развитія огнестрѣльнаго оружія, сила отдѣльной кавалерійской дивизіи совершенно недостаточна для дѣйствій по прямому ея назначенію.

Тогда же начались импровизированныя формированія „сводныхъ конныхъ корпусовъ“, получившія болѣе или менѣе законченную форму весной 1915 года.

Въ то время конные корпуса составлялись обыкновенно изъ двухъ дивизій. Но событія показали недостаточность силъ и такого корпуса.

Начались временныя, а потомъ и постоянныя усиленія конныхъ корпусовъ придачей имъ третьихъ и четвертыхъ конныхъ дивизій.

Напримѣръ: III. конный корпусъ Генерала графа Келлера сформировался весной 1915 года изъ двухъ конныхъ дивизій, но въ большинствѣ случаевъ во время операцій имѣлъ въ своемъ составѣ три и даже четыре дивизіи, а въ слѣдующемъ 1916 году въ періодъ великаго отступленія Румынской арміи его составъ временно возросъ до 8 кавалерійскихъ (казачихъ) дивизій, т. е. корпусъ какъ бы развернулся въ кавалерійскую армію (!).

Подобная картина, разумѣется, наблюдалась въ формированіи крупныхъ кавалерійскихъ соединеній и на другихъ русскихъ фронтахъ.

Со стороны германцевъ также замѣчалось появленіе большихъ кавалерійскихъ массъ, составленныхъ временно

изъ нѣсколькихъ дивизій, какъ то, напримѣръ, имѣло мѣсто во время Лидскаго прорыва русскаго фронта въ 1915 году.

Вообще, во время Великой Европейской войны на русскихъ фронтахъ, въ тѣхъ случаяхъ когда кавалерія призывалась для исполненія боевыхъ задачъ по своему назначенію, наблюдалось опредѣленное стремленіе къ концентраціи конныхъ массъ въ крупныя соединенія, составленныя изъ нѣсколькихъ кавалерійскихъ дивизій.

Но эти формированія, исполненныя наспѣхъ, въ минуты императивныхъ требованій обстановки, часто имѣли въ себѣ всѣ недостатки военныхъ импровизацій. Вспомнимъ хотя бы операціи 9 и 10 кавалерійскихъ дивизій 8/21 августа 1914 года, поскольку это касается ихъ взаимодѣйствія; болѣе чѣмъ слабое управленіе русской конницей во время упомянутаго Лидскаго прорыва и многіе другіе случаи...

Итакъ, формированіе конныхъ корпусовъ изъ нѣсколькихъ дивизій и вообще концентрація конныхъ массъ для боевыхъ дѣйствій производилась широко въ теченіе прошлой Великой войны и къ этому принуждала современная мощь огнестрѣльнаго оружія.

Это обстоятельство, кажущееся съ перваго взгляда парадоксальнымъ, при внимательномъ изслѣдованіи вопроса представится вполнѣ естественнымъ, логичнымъ и неизбѣжнымъ.

А если это такъ, то необходимо заранѣе предусматривать формированія крупныхъ кавалерійскихъ соединеній (корпусовъ, армій) и конницу обучать дѣйствіямъ въ массахъ.

Съ другой стороны, послѣ Европейской войны народы вступили въ полосу замѣтнаго обострѣнія соціальныхъ отношеній.

Достаточно краснорѣчиво и чрезвычайно ярко это обнаруживается въ событіяхъ русской революціи, въ перманентномъ, пока заглушаемомъ, горѣніи Германіи и въ

спорадическихъ вспышкахъ горючаго матеріала во многихъ другихъ мѣстахъ.

Такое положеніе вещей, если на него смотрѣть какъ на извѣстный психологическій сдвигъ въ жизни человѣческой даетъ основанія предполагать, что могущія быть въ этотъ періодъ войны по своему характеру будутъ до нѣкоторой степени ближе подходить къ типу гражданскихъ войнъ, нежели войны прошедшія.

Гражданская же война, какъ это лишній разъ подтвердили и протекшія на нашихъ глазахъ войны Россіи 1919—1920 годовъ, таитъ въ себѣ элементы необходимыя для того, что бы конница могла сдѣлать попытку снова завоевать себѣ титулъ „Царицы полей сраженій".

Учтетъ ли это военная наука и современныя правительства, какъ это уже повидимому учтено въ революціонной Россіи, покажетъ будущее.

1921 годъ. А. СЛИВИНСКІЙ.

ТАБЛИЦА.

СОСТАВЪ 10-й КАВАЛЕРІЙСКОЙ ДИВИЗІИ
КЪ 8/21 АВГУСТА 1914 ГОДА.

Начальникъ дивизіи:
Генералъ Лейтенантъ графъ Федоръ Артуровичъ Келлеръ.

Наименованія частей	Нормал-число эс-кадр. и оруд	Составъ 8/21 августа	Командный составъ
I. Бригада:			Генералъ Маіоръ Марковъ.
10-й Драгунскій Новгородскій полкъ	6	4	Полковникъ Клевцовъ.
10-й Уланскій Одесскій полкъ	6	5	Полковникъ Даниловъ.
II. Бригада:			Генералъ Маіоръ Хитрово.
10-й Гусарскій Ингерманландскій полкъ	6	4	Полковникъ Богородскій.
1-й Оренбургскій казачій полкъ	6	5	Полковникъ Тимашевъ.
3-й Донской артиллерійскій дивизіонъ: 2-ая и 3. батареи	12	12	Полковникъ Персіановъ.
Пулеметная команда	—	—	Подполковникъ Пальшау.
Всего	24	18	эскадроновъ.
	12	12	орудій.

Примѣчаніе: — Въ началѣ войны, до прибытія на фронтъ второочередныхъ казачьихъполковъ для обслуживанія войскъ въ качествѣ корпусной конницы, было откомандировано для этой цѣли отъ 10 кав. дивизіи къ X. арм. корпусу 5 эскадроновъ и одна сотня, почему къ 8/21 августа дивизія имѣла всего 18 эскадроновъ и сотенъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ КОННОМУ БОЮ 10 КАВ. ДИВИЗІИ 8/21 АВГ. 1914 Г. У Д. ЯРОСЛАВИЦЕ.

СОСТАВЪ 4 АВСТРІЙСКОЙ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ДИВИЗІИ

8/21 АВГУСТА 1914 ГОДА.

Начальникъ дивизіи:
Генералъ Маіоръ Эдмундъ Заремба.

Названія частей	Число эскадр. и орудій	Командиры
Бригада:		Полковникъ графъ Уйнъ.
1 Уланскій полкъ	6	Полковникъ фонъ Шлессенфрагъ.
15 Драгунскій полкъ	6	Полковникъ фонъ Брашъ.
Бригада:		Генералъ Маіоръ фонъ Рунцъ.
13 Уланскій полкъ	6	Полковникъ графъ Спанохи.
9 Драгунскій полкъ.	3	Полковникъ фонъ Копечекъ.
Артиллерія: 11-й конноартиллер. дивизіонъ (1. и 3. батар.)	8 оруд.	Полковникъ Добрингеръ.
Пулеметы	8 пул.	
35 ландверный полкъ:		
I. и II. батальоны	8 ротъ	Полковникъ Рейхельтъ.
Всего	21	эскадр.
	8	орудій
	8	пулеметовъ
	2	батальона.

Особый отрядъ полковника Регенермеля находился 8/21 августа въ раіонѣ Бродъ и состоялъ изъ: 3 эскадроновъ 9 Драгунскаго полка 2-й батареи 11 кон.-артил. дивизіона и III батальона 35 ландвернаго полка.

Примѣчаніе: Свѣдѣнія касающіяся боевого состава 4 кавалерійской дивизіи любезно предоставлены автору полковникомъ австрійской арміи барономъ Е. Вальдштетенъ.

А. Сливинскій.

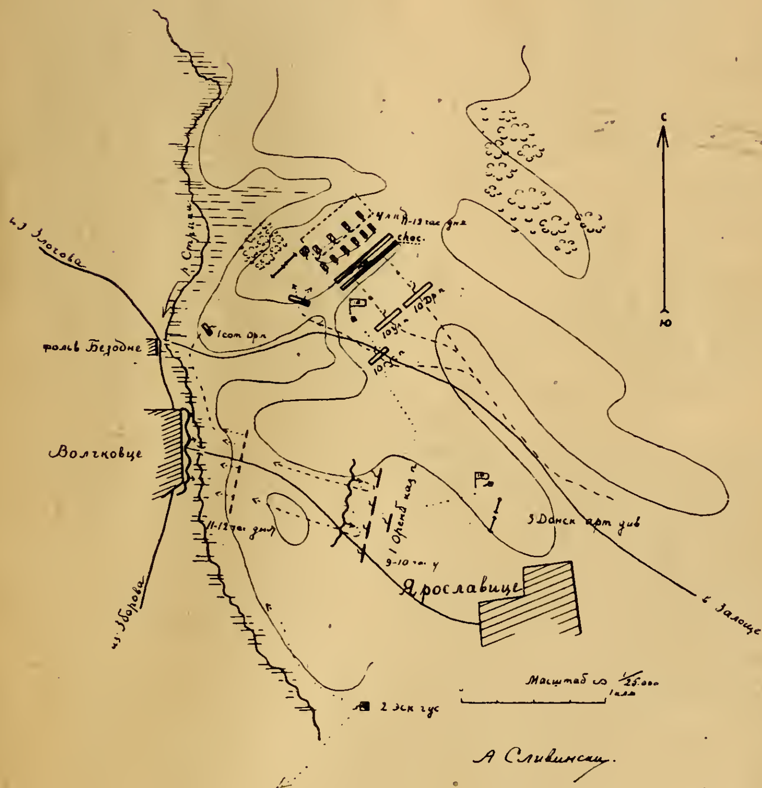
СХЕМА N. 1—3.

КОННЫЙ БОЙ
у д. Ярославице 8/21 авг. 1914 г.
—
Общая обстановка.
Схема N. 1.
Поукамен
Біалицамен
Золочов
из Львова
Нуще
Перепельники
Залоще
9 кав див
1 кав див
Олеіов
Волковце
Ярославице
Плучов
ст
Метенов
Беремовце
Остр Гарб
Бзовица
10 кав див
Біалоглови
Вертелка
Машштаб 1/200 000
10 клм
с
ю
Янковце
Богдановка
Зборов
Поморжаны
11 пѣх див
из Бржезан
Езерна
8 кав див.
р. Серет
Тарнополь
Збараж
А Сливинский

КОННЫЙ БОЙ

у д. Ярославице 8/21 августа 1914 года.

Схема N. 2.

КОННЫЙ БОЙ

у д. Ярославице 8/21 августа 1914 года.

Схема N. 3.

